

КАЛУТКА

Вып. 2

Проза

Казань

Издательство Академии наук РТ

2017

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К 17

Калитка. Вып. 2. Проза / Редакторы-составители Эдуард Учаров и Галина Булатова / Под общ. ред. Р.Н.Исмагиловой – Казань, 2017. – 72 с. – (библиотечка казанского литературного кафе). Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-9690-0401-3

Второй выпуск библиотечки казанского литературного кафе Центральной библиотеки, открывшегося в 2015 году, знакомит с прозой авторов, выступавших в казанском литературном кафе Центральной библиотеки «Калитка».

ISBN 978-5-9690-0401-3

© Коллектив авторов, 2017

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А началось всё с запаха. Вернее, с его пропажи.

Но тут я оборачиваюсь и вижу Причину...

Внезапно небо потемнело, в воздух поднялась туча песка, вид на Кремль и Кул-Шариф заволокло серой пеленой...

И тогда я увидел Аквариум. Холодный и блестящий, он покоился в темноте ...

Надо взять себя в руки. На самом деле смерть не настолько страшна, разве что там, сразу за порогом, придётся ответить бабке Екатерине...

мы улыбаемся этому миражу. мы смотрим прямо на север. в серый цвет баренцева моря.

И, как водится в таких случаях, решено было это дело отметить.

Нас было четырнадцать человек – французы, скандинавы, итальянцы, левантинцы.

Я прыгнул в воду и всколыхнул галактики. Сделал круг, проплыл на спине. Выйдя из воды, топтался, отдирая примерзающие к доскам тапочки.

Надо извиниться и уйти, подумал Никлас. За скалой есть ещё один пляж.

Приколов я не понял. Кругом всё в решётках. В Финском заливе купаться нельзя. В фонтан – нельзя. Был бы жив хозяин – не одобрил бы...

Потом появились люди в форме. Что-то спрашивали, что-то записывали, щёлкали фотоаппаратом.

Говорят, что любому человеку, даже самому невезучему, судьба подбрасывает счастливый билет.

Спасибо тому, в чьих силах остановить ту самую воду, которая растит наши сны, как дерево. Спасибо тебе, окно, в котором брезжит рассвет и обещает новый день.

ВЕРА АРЯМНОВА

Поэт, прозаик, журналист. Родилась в Башкирии, жила и работала в Набережных Челнах, Казани, Костроме. Автор книг стихотворений «Оловянный батальон», «В стране родной», «Бездомное сердце», «На закате не спят» и трёх книг прозы – «Синица в небе», «Ангелы», «Дама с прошлым». Стихи и проза публиковалась в журналах «День и ночь», «Казань», «Идель», «Казанский альманах» и других изданиях. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России.

ПЁС

Муж Антонида превратился в пса. В крупного, хорошего пса непонятной породы. Произошло это постепенно. По какой причине, Антонида не знает – может, вирус какой подхватил, два года болтаясь вдаль от семьи, а может, думает она иногда с обидой, без всякого вируса, по собственному желанию. Потому как ни разу не видела Антонида, чтобы мелкие – поначалу – изменения, которые замечали оба, его огорчали или хотя бы удивляли. Он казался даже довольным, обнаруживая новые собачьи признаки на собственном теле.

А началось всё с запаха. Вернее, с его пропажи. Антонида собирала рубахи Алексея в стирку. И по женской слабости, а скорее, по старой памяти, ведь женской слабости к мужу у Антонида к тому времени уже не осталось, прижала их к лицу и вдохнула запах. Вот тут-то и обнаружилось, что прежнего, родного духа от них не исходило – рубашки резко и явственно пахли псиной. Большого значения этому Антонида сначала не придавала и, может, вскоре забыла бы об этом, если б не событие, последовавшее аккурат в тот вечер, когда выстиранные «Тайдом» с лимонным запахом рубахи она тщательно выгладила и повесила в шкаф на плечики – по две рубашки на каждое.

Закончив работу, она вошла в большую комнату, где последнее время спал на диване муж. Алексей смотрел телевизор, но на приход жены отреагировал, протянув к ней обе руки. Антонида легонько погладила его и присела на диван. Алексей с готовностью подвинулся и тут же, зевнув, потянулся во весь свой огромный рост. Одежда не хватило, и одна нога выпросталась наружу. Ладно бы нога, а была это не нога, а собачья лапа. Рыжеватая на вид, с крупными растопыренными когтями. Антонида, вскочив, оторопело глядела на неё, а после перевела взгляд на мужнино лицо. Он тоже смотрел на лапу, и, похоже, она занимала его больше, чем донельзя удивлённая жена. Потом, как бы с сожалением, втянул лохматую под одеяло и через секунду снова выпростал, но уже не лапу, а свою, вполне человеческую ногу.

Фу ты, причудится же такое! – облегчённо выдохнула Антонида и снова посмотрела на лицо Алексея. Он, как ни в чём не бывало, смотрел на

экран. Куда ж это мне мозги-то повело, подумала Антонида, с чего мне всё это пришло? Антонида устыдилась собственных галлюцинаций в отношении мужа и почувствовала себя виноватой перед ним.

– Алёша, можно я побуду с тобой, – жалобно сказала и обняла мужа. Тот заулыбался, глянул в глаза Антониде ласково и преданно. Она положила голову на плечо Алексея и вдруг услышала упругие, дробные удары в мягкую спинку дивана. Скосив глаза, увидела: крупный собачий хвост в лёгкую загогулину колотит, как бы от радости, по обивке дивана, и на ней остаются рыжеватые шерстинки. «Линяет...» – последнее, что подумала Антонида и хлопнулась в обморок.

Сначала Антонида пыталась разговаривать с Алексеем, надеясь остановить процесс.

– Я всегда изнутри был псом, – сообщил муж.

– Как это псом, я же влюбилась в тебя, замуж пошла, детей тебе родила! Никакого пса ты даже отдалённо не напоминал.

– Ну да, – ухмыльнулся Алексей, – я же старался тебе понравиться, на задних лапах перед тобой ходил.

– А почему же теперь не ходишь? – всхлипнула Антонида.

– Ну, нельзя же всю жизнь на задних лапах проходить. Ты вот попробуй всю жизнь – на цыпочках...

На такой резон Антониде и не возразить было.

Дальнейшие разговоры на эту тему муж обрывал лаем. Как только заговорит Антонида об этом, Алексей – в лай. А потом стал лаять и по другим поводам.

Совсем прохудилась на веранде крыша. Антонида купила рубероид, Алексей покрыл половину крыши и забросил дело. Как только она напоминала ему о приближающихся вместе с осенью дождях – начинал лаять. При этом у него то уши собачьи прорастали ненадолго, то нос покрывался шерстью, а то и вся голова превращалась в псиную. Антонида пугалась и отступалась от него. Что делать с крышей, никак придумать не могла. Не просить же соседа чинить – при живом-то хозяине! В округе все знали Алексея как мужика с золотыми руками и большой силищей. У всех на виду Алексей когда-то один этот дом из разрухи поднял: и фундамент под него подвёл, и крышу сменил, и веранду пристроил, и много ещё чего. Соседи, кажется, ещё не догадывались, что происходит с Алексеем.

Антонида весь этот ужас переживала вдвойне. Десятилетний Колька был свидетелем отцовских превращений, и хотя его-то малолетство хранило от глубокого переживания происходящего, Антониду, как мать, не спасало ничто.

Она шла на работу. Сначала на одну, потом на другую – помимо основной, подрабатывала мытьём полов в двух магазинах и в подъезде

жилого дома. Весь день таская с собой Кольку за руку, она чувствовала, что думает с ним об одном.

– Вообще-то, мам, я всегда мечтал о собаке. Как ты думаешь, папа когда-нибудь превратится в собаку насовсем? – высказался однажды Колька.

Антонида не сдержалась и заплакала.

«Насовсем» Алексей превращался в собаку довольно часто и собакой нравился ей больше, чем человеком. В собачьей ипостаси мужа проглядывала его бывшая человеческая сдержанность и дружелюбие. В человеческом же обличье и при частичных превращениях Алексей стал невыносим. Он чесался задней ногой, не снимая ботинка, добивался, чтобы вылизанные им тарелки и сковородки считались вымытыми, за стол с нею и Колькой садиться перестал, а издали, неотрывно и преданно глядя на людей, дожидался, когда Антонида поставит еду перед ним на пол. Колька порой забавлялся: служи! И Алексей, подмигивая сыну человеческим глазом, выхватывал подачку. Антонида впадала в истерику, Алексей начинал злобно рычать и скалить уже вполне собачьи клыки – он не выносил отрицательной эмоциональной реакции на своё поведение. А собакой ластился, лизал руки... Но однажды попытался обнюхать Антониду под подолом. «Прочь, прочь, пошёл вон», – закричала она не своим голосом, и пёс, поджав хвост, проворно выскользнул за калитку. Любопытно, что задвижку открыл быстро, вполне по-человечьи – передними лапами, встав на задние.

Быть женой полупса-получеловека неумоготу. Антонида тосковала и однажды излила тоску соседке Алле, рассказав всё. Алла была супругой бизнесмена. Новенький дом их горделиво возвышался среди других, выросши, как гриб, за одно лето. Мужики-соседи проходили мимо, отвернувшись, потому как у себя дома отбивались от жён, ставивших им мужа Аллы в пример. Доказывали жёнам – никакой работой денег таких не заработаешь, только воровством. Зато женщины относились к новой соседской паре уважительно-подобострастно, сразу признав за ней первенство над всей улицей. И шли к Алле с любой нуждой – позвонить, денег занять, помочь похлопотать о чём-то, просили советов. Алла соседок привечала: ведь никакие железные решётки на окнах не спасут от грабителей, а вот хорошее отношение соседей ввиду такой опасности – дело совсем не лишнее.

Рассказ Антонида близился к концу, когда зашла Нина – позвонить с Аллиного телефона. А Антонида остановиться не сумела, досказала свою историю при ней. И если глаза Аллы по мере рассказа становились всё более удивлёнными и испуганными, то Нина как будто не нашла в нём ничего удивительного.

– Ну и чего ты ревишь-то? – строго сказала Антониде Нина. – Эко дело, пёс! Солидное существо, дом охранять станет. У меня вона – пятый год Васька пятак да хвост закорючкой отращиват, копыты, опять же. Да ещё хрюкат, как по пятаку-то хлопну газеткой или чем попало. Совсем превратится – куды его? На мясо, что ль? Никак нельзя, двои робят у нас, внуки.

– Женщины, вы с ума сошли, или разыгрываете меня?! – почти взвизгнула Алла. – Идите с Богом, думать надо было, за кого замуж выходите и от кого детей рожаете! И вообще перестаньте, всё это бред, бред!

– Дак вовсе не бред, Аль, – сказала Нина. – От винища всё. Сперва пьют-пьют, а под конец така мутация и выходит с имя. Ничё не понимают, ничё не делают, обыкновенный алкоголизм. Только раньше не превращались, а теперь превращаются. Вона смотри, спида раньше тоже не было, а ноне есть. Мало ли какого сраму нанесло, и это тож...

Алла меж тем уже поднялась с дивана, совладав с собой. Вежливо выпроваживая женщин, вышла с ними на крыльцо. Глаза её вдруг округлились, она смотрела в направлении дома Антониды. У калитки стоял Алексей и, глядя на пробежавшую мимо собаку, преображался на глазах: встал на четвереньки, оброс шерстью, хвостом, завилял им и весело побежал за собакой...

– Ну вот и отдохнёшь от его теперь, – заявила Нина Антониде, – он за сучкой-то далеко убежит, может, с неделю его не будет, может, доле. Ты пока будку спроворь, он, может, больше в человечье обличье и не придёт, я об таком слыхала. Лучше б и не вертался, опосля того тебе с ним ещё хуже будет. Мне Ваську-то кастрировать пришлось, как он к соседской хрюшке в сарай зашёл. А твой не дастся – эко пёс какой громадный!..

2000 г., Кострома

* ревишь – костромской диалект

АНТОН БОРОВИКОВ

Родился в Казани в 1970 г. Писатель, переводчик. Автор сборника рассказов «LeVo Project» («Lulu», 2017). Участник театральных проектов MIDAS и Flying Bananas (Москва). Ведущий программы «Литературная бессонница» на БИМ-радио (Казань). Первый авторский вечер состоялся в «Калитке» в сентябре 2017 года.

ШКОЛЬНОЕ, ИЛИ LET LOVE IN

Я вижу тебя каждый день, когда прохожу нашу школьную спортплощадку. Тебе лет 13 или 14, ты полноват и сутуловат, не особо модно одет, в общем, не первый парень в классе. Важно встаёшь и принимаешь отрешённую позу, ну ведь взрослый уже. Ты приходишь пораньше, минут за 15-20 до занятий. Но глядь: уже через 3 минуты твоя невозмутимость начинает сбивать. Ты то копаешься в телефоне, испуганно озираясь по сторонам, не пропустить бы чего, то судорожно поправляешь вихры, которые бастуют, не желая принимать нужную форму. То просто нервно начинаешь переминаться с ноги на ногу, вызывая хихиканье пробегающих первоклашек.

Но тут я оборачиваюсь и вижу Причину, вернее, Принцессу: весёлое и беззаботное существо твоего возраста, весело, по-птичьи впархивающую в школьные ворота. Она строго-празднично одета, видимо, наряд ещё с первого сентября. И ты преображаешься, где же тот увалень, да нет, перед нами истинный мачо, достойно встречающий свою обожаемую даму. Обожаемая тоже улыбается, но вполне степенно, не пристало обожаемым торопиться. Дама сердца радостно встряхивает длинными косами, то ли говоря «привет», то ли «пойдём». И здесь происходит забавный момент: ты поворачиваешься чуть раньше, и она пару-тройку шагов как бы семенит за тобой, демонстрируя полную покорность и преданность, но к школе вы уже подходите вместе, ещё, конечно, не держась за руки, но ими соприкасаясь, так, иногда. Ты счастлив, да? Или ты ожидаешь ещё большего счастья, парень?

А через 10 лет она долго будет водить тебя за нос. Она сохранит тебя в качестве пажа, ты же ещё тогда обещал быть ей верен, так ты ей верен до конца, ты водишь её по клубам, где она танцует под ненавидимую тобой музыку, но ты же верен и терпелив, не так ли, друг мой? Она безудержно будет раздавать авансы окрестным парням, но ты опять будешь терпелив и верен, принося мартини ей и виски им. Наконец, лет через 15 она устало примет твоё предложение (на девичнике пьяно и цинично хихикнув «да ладно, девки, приличных-то кругом не осталось, а этот хоть преданный, как пёсик, так что на бесптичье даже такая задница – соловей»). Ты возликуешь: вот, он волшебный миг. Теперь моя принцесса должна жить, как и подобает царственных особам. И ты пашешь, добиваешься

невиданных высот, практически бросая к её ногам весь мир, но почему-то чем дальше, тем менее её это радует, веселье уходит вместе с прекрасными русыми косами, которых меняет агрессивный платиновый ёжик. Но ты её любишь безраздельно по-прежнему, ты Паж Её Величества.

А через 20 лет она наставит тебе рога с одним из твоих лощёных топ-менеджеров, прощелыги-адвокаты оттяпают у тебя всё, включая и бизнес, и всё остальное. Останется только хибарка, правда, в хорошем районе, где и будешь прозябать, тратя случайные заработки на дешёвую выпивку и на любимую музыку, которую теперь тебе «можно» слушать.

А ещё годика через 3 тебя принесут на мой стол в прозекторской. Я пойму, что никакая это не острая сердечная, а просто ещё один, как я их называю на латинский манер, *hapurikus vulgaris*, не выдержавший жёсткого отходняка. И я пойму, что передо мной очередной одиночка, из всего имущества будет когда-то хороший, но сейчас изгвазданный костюмчик, в карманах которого, кроме мелочи, табачных крошек да пустого фанфурика, будет фотография, на которой мальчик и девочка стоят у брусьев на спортплощадке. ...

Но, парень, это будет потом, а сейчас я просто радуюсь твоему и её искреннему счастью, наблюдая, как вы просто поднимаетесь на школьное крыльцо. А может быть, у вас всё будет по-другому? Не знаю, малыш, я ведь тоже не мечтал резать бесхозных жмурав. Но ... Короче, разворачиваюсь и иду по своим делам, тихонько напевая про себя? Про тебя? Про него?

So if you're sitting all alone
And hear a knocking at your door
They ask for the promises
Well buddy ye'be warned
Far worse to be love's lover
Than the lover that love has scorned
I let love in
And you?

ГАЛИНА БУЛАТОВА

Родилась в г. Горьком. Окончила куйбышевский институт культуры. С 2008 г. живёт в Казани. Поэт, переводчик, редактор. Публиковалась в региональных, российских и зарубежных изданиях. Лауреат международного поэтического конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015), победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Автор пяти книг, в т.ч. книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (2017). Стихи переведены на сербский язык.

С ЛЮБОВЬЮ К АДМИРАЛТЕЙСКОЙ СЛОБОДЕ

Когда вы горите желанием осмотреть Храм защитникам Казани, что на островке, в середине Кировского моста, то непременно окажется, что храм закрыт на реконструкцию. Но это отличный повод совершить кругосветное путешествие – обойти вокруг островка. Алфёровский гений проглядывает по верху и в просветы ограждения, запрятанного в островной зелени. Коряга из корней, притворившаяся чудовищем. Живописные громадные камни, на которых наверняка по ночам отдыхают русалки. Утиный выводок, плывущий по своим утиным делам. Рай для рыбаков.

В Адмиралтейской слободе Кировский мост уступает свои права Кларе Цеткин и местному железнодорожному мосту, который взирает на прохожих с высоты своего положения. Из-под моста навстречу бежит синевелая часовенка, удерживаемая за плечо старой котельной.

На улице Столярова гипсовая женщина и гипсовый школьник долго и безуспешно просят подвезти их хотя бы на пятьдесят лет назад. Придорожный парк фонтанирует зеленью и скульптурой молодой матери с кувшином в руке. Мать умывает двоих малышей, а те всячески уворачиваются от водяных струй.

Вековая часовня при Адмиралтейской больнице закрыла глаза, сквозь персиковую пудру кирпича просвечивает мертвящая белизна впалых щёк. На входной двери белеют листки нетрудоспособности.

Карта Казани подмигивает Брюсовским глазом. Старые резные деревянные домики почти вросли в землю, иные прячутся за палисадники с золотыми шарами, чтобы не видеть бетонных заборов, за которыми важные обитатели возводят пафосные дворцы.

Выходим к Казанке. Заброшенное мусульманское кладбище на берегу светло и безучастно взирает на проплывающие баржи и моторки. Подводные травы цепляются за ноги, но стоит оттолкнуться – и попадаешь в стихию воды и неба. Красный бакен долго любезничает с двумя чайками.

Белая ваза фонтана в парке Адмиралтейский сад изнывает от жажды. Двухсотлетний одутловатый тополь задумался посреди дороги: можно ли объять необъятное?..

Оседлав мост, шагаем через железнодорожные пути и выходим на Широкую улицу. Пока я изучаю, насколько она широка, спасительная колонка дважды наполняет водой пластиковую полторашку.

Трёхэтажные домики на Кожевенной раскраснелись кирпичом, звёздами на воротах и мозаичными панно с подвигами пожарных.

Горбатый мост закрылся от посетителей, но два ушлых путешественника пролезают под перегородкой и протискиваются сквозь зазор. Мост прекрасен, как и старое, зелёное от тины девственное русло Казанки. Любуемся вместе с голубями.

Гладилова неизгладима царской статью двухэтажных каменных особнячков, деревянным роскошеством резьбы, Алафузовским театром в четыре башенки-шлема, фасетами льнокомбинатовских окон.

Первомайский Ленин на постаменте, как на броневичке. Правая рука у него предусмотрительно спрятана в карман: не кукиш ли он показывает каким-нибудь ярым националистам?

Пушки у казанского порохового завода в оба глаза смотрят на сияющие купола Зилантова монастыря напротив.

В скромном дворике поодаль – бюст дореволюционного начальника порохового завода Лукницкого. Лукницкий выписывает нам пропуск в Парк Петрова, встречающий Грандиозной триумфальной аркой по случаю 100-летия казанского казённого завода (1788 – 1888). Барельефы с военными сценками России всех времён. Ощетинившаяся реактивными снарядами «Катюша». Замечаем невдалеке две скульптуры – мужскую и женскую – колоритной восточной наружности. Судя по тому, что каждая из них стоит в ладье, это шахматная фигура. Споры нет – тоже боевая единица.

Встречные чёрные очки, не моргнув глазом, очертили дужками нужное направление, и через пять минут мы спустились к старому руслу Казанки. Дикие берега, вопиющая зелень! Конструкция из нескольких укрытых листьями проржавевших труб, облагороженная подобием ворот, соединяла два берега. Мы с радостью первооткрывателей прошли по шаткой поверхности, запечатлев себя во вратах и на восхитительном скелете моста. Нырнули в лесную тропинку и спустя полчаса вынырнули у подножия Зилантовой горы. С вершины улыбалась монастырская колокольня, прощая все грехи за этот проделанный путь.

В шестом часу вечера волны Казанки вблизи Кремлёвского моста массируют уставшие ноги, к которым постепенно возвращалась чувствительность. Внезапно небо потемнело, в воздух поднялась туча песка, вид на Кремль и Кул-Шариф заволокло серой пеленой, а на наш коврик посыпались жёлтые листья. Чайки безумно сновали над головами. Одинокая утка металась между берегом и волной. Однако вскоре всё стихло, и солнце, куражась, дохнуло лучами в разрыв облака. Между тем мы уже перемещались по песчаной дорожке вдоль моста. Забетонированные ступеньки спускались прямо в воду, к камышам. Ступая на Кремлёвскую набережную, увидели, как под мост торжественно всплывала баржа, снисходительно позируя десяткам устремлённых на неё объективов.

С любовью к Адмиралтейской слободе...

24 июля 2016

ИУРИ БУРНАШ

Настоящее имя – Искандер Абдуллин (род. в 1975 г). Писатель, преподаватель, публицист. Закончил филфак КГУ. Первая публикация состоялась в 1988-м в газете «Вечерняя Казань» (с предисловием Е. Евтушенко). С 1993 по 2000 возглавлял литературно-философское общество «Altera Pars». Редактор литературного альманаха «Лица» (Казань, 1999 – 2001). Автор двух поэтических книг («Двадцать одно», «Графика») и пёстрого букета публикаций в СМИ. Стихи переводились на татарский и немецкий языки. Член Союза российских писателей, участник фестивалей, победитель республиканского поэтического слэма (2016).

ЧАГЫНСКИЙ СЛОВАРЬ

Азбука странного города

(Литеры А, Б, Д)

А

АЗАТ ХАТЫН

В пору юности мятежной ничто так не трогало мою восприимчивую душу, как название местного журнала – Азат Хатын. В этом имени была какая-то неведомая мне притягательность. Она лишь усиливалась оттого, что я это издание ни разу не держал в руках и даже не представлял себе такого святотатства. Никогда. Так и грезилась мне эта Свободная Женщина – недоступная. Грозная. Прекрасная. В парандже – дочь Гюльчатай и Артемиды. Напрасно клал на неё свой блудливый глаз растленный Плейбой – не для него она плела свои свободные косы, не ему, постылому, она откроет свое скуластое лицо... Что греха таить, мысленно я до сих пор иду рядом с ней по знойному древнему городу с певучими минаретами и спрашиваю всех встречных: как пройти на улицу Свободных Женщин? И только старый джазмен Алексей Карпов, клубящийся в кальянном мареве чайханы, отвечает мне, что такой улицы давно уже нет под луной. И тут я просыпаюсь в слезах. Где ты теперь, Азат Хатын минем? Кому достались твои волнительные подшивки? Кто с замиранием сердца листает твои нежные страницы? Какой Азат Батыр последним подписался на тебя? Нет ответа.

АЙДА

Как известно, ключевое слово для понимания чагынской ментальности – айда. Это слово совершенно не соответствует вульгарному урусскому глаголу «давай» и практически противоположно осторожному призыву «пошли». Айда не терпит промедления и сомнений. Оно не

предлагает, а требует действия, причём немедленного. (Не случайно Золотая Айда возникла именно на этом принципе). Если ты даже на секунду задумаешься, нужно ли тебе это движение, то будет поздно. Айда ускачет и не скажет, когда вернётся. И потом, утром, выслушивая по телефону отчёты о ночных подвигах без твоего участия, ты будешь иронично хмыкать и даже саркастически кашлять, но втайне тосковать о навсегда, безвозвратно ушедшей без тебя айде.

АКВАРИУМ

И тогда я увидел Аквариум. Холодный и блестящий, он покоился в темноте, воплощая на незримой мне стороне, которой он тянулся к соседней Консерватории, идеал параллелограмма – геометрической фигуры, воспетой древними арабами за её устойчивость и предсказуемость – фигуры, так точно соответствующей и политическому вектору этих мест, и представлениям о красоте и справедливости, свойственным потомственным строителям светлого будущего. Аквариум возник на этой площади Своеволия сам по себе, обречённый совершать торжественные обороты вокруг земной оси, а также ежегодные дефиле вокруг солнца до тех пор, пока не наступит коммунизм. То есть, вечно. Аквариум был прост и прозрачен, а значит, безопасен и открыт. Бетон, железо, стекло – ясная формула бесконечной правоты, не допускающей кривотолков и подленьких интерпретаций. Удивительно, что именно это строение было отдано классической музыке, чья неуловимая, вечно текущая суть совершенно не подходила этому одиозному простоватому футляру. Скрипку, сотворённую тёмным гением Страдивари, можно в спешке ограбления завернуть в мешковину. Но едва ли в мешковине будет хранить её новый владелец, жмурящийся от страха и упоения крот, заказчик и вдохновитель преступления. Тем не менее, именно в Аквариуме – в этом унылом архитектурном выкидыше – на протяжении десятилетий зарождались прекрасные, нежные и пронзительные звуки, и Аквариум иногда мучительно морщился, словно Мироед, по ошибке проглотивший вместо стада овец оперный театр, и теперь вынужденный всю жизнь слушать пение райских птиц в своей ненасытной утробе. Иногда, впрочем, здесь звучали мелодии попроще: фуги отчётно-перевыборных собраний, сонаты партийных летучек, оратории профсоюзных деятелей. И тогда Мироеду становилось легче. Аквариум быстро примелькался чагынцам, перестал вызывать необъяснимую тоску дождливым днём, тем более, что концерты, проходившие в нём с аншлагами, заставляли забыть о таких мелочах.

Увы, нет ничего более хрупкого, нежели вечное. Когда Аквариум разбирали – торопливо, словно делая нужное, но всё-таки стыдное дело – говорят, что из его недр как-то ночью вылетел невероятных размеров дирижёр во фраке и с пюпитром в руке. При этом ночь была настолько светлой, а пюпитр настолько большим, что на нём даже читался инвентарный номер. Было видно также, что музыкант по неведомой нам причине находится в той степени раздражения, которая не может не выплеснуться наружу. И действительно, поискав глазами, на чём бы

выместить ярость, дирижёр обнаружил в своей руке металлическую подставку для нот. На несколько мгновений зависнув над остовом Аквариума, призрак беззвучно крикнул, не без усилия завязал пюпитр узлом, отдышался, аккуратно утёр платком градины пота с круглой, как тонзура, лысины, перекинул свой трофей через плечо и величаво поплыл в звёздном небе в направлении Киева. Кто-то из случайных свидетелей события опознал в музыканте Н.Г. Рахлина, покойного руководителя местного симфонического оркестра. Их оппоненты резонно замечали, что Рахлин при жизни был человеком ответственным и, мягко говоря, бережливым, и не стал бы портить государственное имущество даже в состоянии аффекта. Скептики вообще во всём винили атмосферные катаклизмы. К тому же и пюпитра с таким инвентарным номером в Аквариуме отродясь не значилось.

АТАСТАН

– в дословном переводе – страна отцов (тюрк.) Край, расположенный почти в центре Самой Счастливой Страны (ССС). Столица Атастана – город Чагын – славен своей широтой и долготой. О, больше ни у одного города в мире нет такой широты и долготы! Атастан – сердцевина и самая третья столица ССС. Ни в одном уголке Страны нет такой удивительной толерантности, исключительной веротерпимости и чарующего миролюбия. Правда, злые языки шёпотом – не рискуя проверять указанное миролюбие – говорят, что местным жителям просто всё до ак барса. Отсюда и веротерпимость с толерантностью, и наше знаменитое радушие, привлекающее толпы любопытных иноземцев. Иноземцы любят брать аборигенов в проводники, хотя последние больше говорят о вчерашнем или даже о позавчерашнем дне своего города. Хорошо известны возвышенные строки атасского поэта Султана Артёмова:

Будь мне гидом по Атастану!
Покажи мне его величье!
Я тебя убивать не стану,
Заплачу я тебе прилично.
Ну а коли сбежишь, паскуда,
Не таи на меня обиду:
Я убью тебя, гадом буду,
Если ты мне не будешь гидом.

Примерно в 800 хакусах от Чагына расположена столица Самой Счастливой Страны – Кучков. Кучков долгое время всерьёз опасался восточного соседа и даже платил ему дань. Потом устал. Покорение упрямого Чагына было долгим и мучительным. Урусам потребовалось целый город Свойск возводить в качестве тайного плацдарма. Получается, один город был построен назло второму. Так они и стоят друг напротив друга до сих пор, настороженно косясь.

Кучковцы аж до самого Атабая дошли, чтобы Чагынское ханство покорить. Увидели ослепительные минареты да высокие белокаменные стены, да атабайских женщин с лопатами наперевес и в шальварах с тремя полосками – и поняли, что не взять им Атабай. Так он и стоит по сей день – непобедимой твердыней.

Атастанцы очень часто, особенно в пятницу при полной луне, представляют, как пошла бы мировая история, если бы всё произошло наоборот. И тогда им видится поверженный царь Иван Грязный, валяющийся в ногах несравненной царицы Сикерешбике, сладкий зов муэдзина над Красной площадью, а также прекрасный и могущественный Атастан с бесконечными окрестностями от Кремля до самых до украин. Мерещится им также грозный летучий змей Жиган, легко перекусывающий копьё Георгию Бедоносцу (см. «История Чагына, как она должна быть»). Но тут, как правило, ветер меняется и галлюцинация пропадает.

АТАСЫ

– считают себя исконным народом этих мест. Хотя вредные финно-угры на это заявление с пониманием улыбаются. А что им ещё остаётся-то?

Атасы гордятся своими корнями – а корни у этого свободолюбивого народа находятся везде – и в Болгарии, и в Китае, и в Монголии, и в Крыму, и где только не. Если при атасине сказать простое урусское слово «сарай», он целую речь произнесёт. Мол, потому-то у вас жилища, а у нас дворцы: неверно слово понимаете. Украли слово, а инструкцию к нему взять забыли, неучи. Скажет – и убежит в свои двухкомнатные хоромы гордиться. Когда атасы слышат фамилию Карамзин, Державин или Рахманинов, то хитро прищуриваются, как бы намекая. С иных лиц этот атасский прищур и вовсе не сходит. А всё просто. Завоевал тебя атасин – ты атасином стал. Победил ты его – опять же атасином дразнят. Вот такой вот парадокс. Так что все люди в душе атасы – просто не все признаются. Действительно, поскреби уруса – и найдёшь атасина. А вот самого атасина лучше не скрести – он и так чистый.

Когда Иван Грязный пришел в Чагын, чистоплотные атасы сами за Сабын да за Балык переехали, брезгливо зажав носы. Так они утверждают. И стали там пить чай и слушать органы – так утверждает Карл Фукс. А уж ему нельзя не верить – он Пушкина видел.

Атасы любят шутить над урусами. Например, возьмётся урус атасина крестить, придёт к нему с попом да предписанием, а атасин ему всё чай наливает. Весь самовар урус из вежливости выпьет, кумысом закусит, уйдёт в нужник, выйдет отдохнувший, а тут – бац! – вечерний намаз. Никак нельзя креститься. Придёт урус вдругорядь с твёрдым намерением чаю не пить никогда, а у атасина заперто – ураза у него. Придёт в третий раз, сердитый уже, а атасин ему как бы невзначай свою дочь покажет. Потеряет урус голову – и ну сватов засылать. А атасин чай пьёт, привередничает. Не той ты веры, говорит. Тут уж урусу деваться некуда –

приходится с басурменом договариваться по-человечески. Шутки шутками, а сегодня в Атастане всё так перемешано, что и не разберёшь. Вроде Монасзон Эммануил Александрович – а кричит «атастан шимбэлэргэ дан!» совсем без акцента. Матерится по-урусски – и тоже без акцента. Молится и вовсе Шопену да Моцарту. И кто он тогда, спрашивается? Правильно, родственник.

Так что бесполезно с нами воевать – сядем, чаю попьём – всё одно, бит, кунаками окажемся.

Б

БАРАБУС

Вымерший вид общественного транспорта. Восходит к атасскому глаголу «барабыз» (пойдём). По сути – гужевая маршрутка. На барабусах – многоместных тарантасах – можно было даже зимой с ветерком доехать из одного конца Чагына в другой за сущие гроши. Задолго до юрких «шустриков» и неповоротливых «драконов» барабусы успешно удовлетворяли потребность небогатых горожан в неторопливой, абсолютно неурусской езде, когда можно успеть и с соседом познакомиться, и погоду обсудить, и по сторонам поглазеть – а не только оплатить проезд, по случаю часа пик стоя на ноге милосердного попутчика.

Д

ДОЛГАЯ

– течёт давно и величаво. Считается национальным урусским достоянием, хотя атастанцы на эту байку скептически фыркают и начинают перечислять все атасские названия городов на Реке: и Сары-тау, и Ас-Тархан, и... И, если верить нашим краеодам и краеведьмам, так и Рюрик атасином был, а сам город Кучков произошёл не от боярского прозвища, а от редукции атасской фразы «шушыкилгэнкитмиторган». Красивое имя. Только слегка шепелявое.

Могучая акватория Долгой разделяет Тыгдым и Чагын, словно два войска, и объединяет, словно двух добрых собутыльников. А ещё в Долгую впадает река Чагынка, неотвратимо мутя урусскую воду, исподволь примешивая к ней свой особый, чагынский геном.

Так что, как ни крути, а Долгая, если и не вся целиком, то уж разрезом глаз точно наша. Ласково плеща, летними ночами она рассказывает о тех временах, когда её берега не знали кремлей и посадов, войн и водохранилищ, когда жили в ней громадные говорящие осетры – и во всём подлунном мире сквозь века и пространства медленно и гордо текла только она, Долгая.

ДЮМА

Если бы этого толстого жизнелюбивого фантазёра в Чагыне не случилось, его следовало выдумать. Задолго до кинопаломника Жерара Депардьё знаменитый странник отправился покорять урусскую глубинку. Приплыв в Чагын в сентябре 1858 года, педантичный француз тут же принялся считать. Насчитал девятьсот восемьдесят улиц, десять мостов, четыре тысячи триста домов, много церквей, монастырей, десять мечетей, две гостиницы, семь трактиров, два кабака, 124 студента в университете, 52 тысячи 244 жителя, из которых пятнадцать тысяч показались ему магометанами, а также 156 рытвин по дороге от пристани в гостиницу. Закончив со статистикой, рассудительный гость принялся за трапезу. Судя по тому резонансу, который получил его визит в чагынском свете, недостатка в разносолах Дюма не испытал. Многие из блюд даже удостоились отдельного описания мэтра. В частности, местную конину писатель счёл малопригодной для потребления европейскими желудками, а кумыс опасным для здоровья. Видимо, и то и другое было употреблено в раблезианских объёмах, исключавших благотворное воздействие на европейский желудок. Зато рыбу Дюма позже рекомендовал своим соотечественникам солить «по-атасски» – заливая её жеребьячьей мочой. (Неизвестного уринотерапевта, давшего французам этот рецепт, так и не нашли). Напоследок творец мушкетёров в костюме русского ополченца отправился стрелять зайцев, попал 12 раз и с большой помпой отбыл в порт (156 рытвин) на корабль, увозя с собой бесчисленные тюки с дарёными мехами и коженными изделиями. По свидетельству очевидцев, лёгкий аромат парижских духов, смешанный с изысканным перегаром, ещё месяц стоял над городом, напоминая жителям об именитом госте. А слегка опустошённый, но восхищённый Чагын долго млел, как простушка Кэтти после визита ветреного д'Артаньяна.

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

Драматург, прозаик, выпускник Литературного института имени А.М. Горького, заместитель главного редактора литературного журнала «Армак. Татарстан», председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, лауреат международной литературной премии «Детское время». Автор книг «Драма диасизма», «Монарх-монах», «Невидимки», «Ясновидящая», «Кинг книг». 6 марта 2017 года в литературном кафе «Калитка» состоялся авторский вечер, посвящённый 40-летию дебюта на профессиональной сцене (в качестве актёра) и 30-летию драматургического дебюта в театре юного зрителя. Актёры ТЮЗа в виде читки разыграли для гостей «Калитки» стихотворную сказку Александра Воронина «Раёк».

МЕДНЫЙ ВСАДНИК. ОТКРЫТИЕ

Отрывок из книги «Монарх-монах»

О том, что смерть на этот раз пришла за ним, Александр понял сразу, как очнулся на походной кровати, в таганрогском своём кабинете, вечером ноября 16-го числа 1825 года. Из забытья его вернул скрип двери. В проёме показалась зажжённая свеча, которую держала в руке императрица. Он вздрогнул: лицо жены, подсвеченное снизу, показалось ему одновременно похожим и на любимую бабушку Екатерину, почившую тридцать лет назад, и на любимую дочь Софи, ушедшую минувшим летом – накануне своей свадьбы...

Три дорогих образа слились, напомнив только что привидевшееся, но уже забытое напрочь сновидение. Кто и куда позвал его во сне? С изнанки пробуждавшегося сознания его вдруг обдало волной животного ужаса, отозвавшись дрожью во всём теле, словно от разряда электричества (оставим в рукописи сей исторический анахронизм: ведь двести лет назад Гальвани уже измерил в вольтах разность потенциалов, – и тогда же Алессандро Вольт изобрёл... гальванический элемент!). Александр Павлович закрыл глаза, чтобы присутствующие не видели его минутной слабости...

I

Надо взять себя в руки. На самом деле смерть не настолько страшна, разве что там, сразу за порогом, придётся ответить бабке Екатерине, которая завещала престол любимому внуку, но не успела обнародовать манифест (а ты не пожелал оскорбить отца и позволил графу Безбородке – сжечь конверт с её завещанием нераспечатанным). Да и тень отца вряд ли будет рада встрече. Павел Петрович был убеждён, что убийц к нему в спальню подослал именно старший сын. Как разубедить его, что оба они

стали игрушками в руках всесильного Палена? Ни здесь, ни там – никто не поверит Александру, что никогда в жизни он не желал быть государем!

Лёжа на походной кровати в своём таганрогском кабинете, Александр Павлович пробовал успокоить себя мыслью, что смерть только поманила... Его черёд ещё не пришёл. Или – пора? В сущности, жизнь пролетела, он двадцать пять лет отслужил на посту, как положено солдату. А сейчас его согревают лишь детские воспоминания. Да и то, если разобраться, воспоминания его позже были отретушированы бабушкиными рассказами...

Что он помнит? Холодно было постоянно. Младенца никогда не кутали, на ночь укрывали лёгким шерстяным одеяльцем. По настоянию императрицы температуру в детской держали не выше 15 градусов. По залам Зимнего гуляли сквозняки, сбивая по углам большие катышки пыли (перекати-поле). Уборщиков не хватало, да и зачем везде топить и убирать? Вся царская семья и придворные пользовались, в лучшем случае, сотой частью города-дворца.

Купали мальчика ежедневно, а летом даже дважды. Как ни странно, маленький Александр любил купаться, хотя Прасковья Ивановна, опять же по распоряжению бабушки, мыла малыша лишь в прохладной воде. Накрахмаленный нянин фартук издавал волнующий запах. После щекотного мохнатого полотенца тело приятно горело.

Тепло ему бывало лишь в бабушкином кабинете, куда его приводили играть перед сном. Долгими зимними вечерами там топили камин, приятно было играть перед ним на пушистом ковре. Пока никто не видел, государыня любила прилечь рядом, забавляясь ангелоподобным карапузом. Екатерина позволяла себе материнские нежности, которых в молодости её лишила свекровь – Елизавета Петровна отобрала Павлушу у матери, впрочем, как после и она отняла у Павла его сына, своего любимого внука.

Бабушка была большая-большая, в раскинутых по коврику складках необъятного платья Александр выискивал расшитые золотом цветы, гладил грани драгоценных камней в соцветиях – прикосновение к ним доставляло особенное удовольствие. На камине начинал кричать золотой павлин, поворачивая механической головкой – так часы извещали, что пора ложиться спать. Уходить от бабушки не хотелось, но всё равно Александр любил ту механическую птицу и мелодичный её перезвон.

Механизмы были модою осьмнадцатого века. Екатерина выписывала для внуков заводные забавы из Европы, однако няням строжайше предписывала не давать детям ломать игрушки. Александр не мог понять, почему Бенкендорфиха не позволяет взглянуть, как устроены пляшущий медведь или кузнецы, ценькающие по миниатюрной наковаленке. Стоило ухватить что-нибудь ползущее мимо по полу, как Софья Ивановна отбирала у его высочества игрушку и уносила из детской. Бесполезно было плакать и просить её вернуть – той игрушки более не приносили. Появлялись новые, но и их не разрешали трогать руками. В результате мальчик потерял к игрушкам интерес. Лишь иногда среди ночи он тихо плакал в подушку, вспомнив белого ангелочка с девичьей улыбкой. Он

подносил к устам золотую трубу – и изнутри слышался дивный органчик... Александр так и не успел потрогать его мягкие крылышки, сотканые из невесомого пуха.

II

То были отдельные, несвязные картинки, лица или запахи. Первым цельным воспоминанием, с которого Александр Павлович вёл отсчёт своей жизни, стало воскресенье 7 августа 1782 года, когда в Санкт-Петербурге торжественно открыли памятник Петру Первому. Когда он осознал (насколько это было доступно четырёхлетнему человечку), что такое смерть.

Накануне забор, почерневший за годы затянувшегося строительства, заменили разрисованными полотнищами в пять сажений высотой. Они с няней ходили смотреть. Такой огромной картины мальчик никогда не видал. Казалось, неприступные скалы писаны в натуральную величину. Не терпелось увидеть, какой грандиозный спектакль готовится за тем занавесом!

В воскресенье, как всегда, с утра лил дождь. К Адмиралтейству начали собираться войска. А бабушка не могла решить, удобно ли будет господам Александру и Константину присутствовать на церемонии. В неё придётся внести изменения, считала няня Софья Ивановна Бенкендорф, торжественное прибытие её императорского величества на шлюпке придётся отменить. Другая няня, Гесслер, утверждала, что дождь скоро пройдёт. Александр больше любил Прасковью Ивановну, и не удивился тому, что её прогноз подтвердился – к полудню тучи стали рассеиваться, открывая в небе маленькие голубые окошечки. Адмиралтейский шпиль вдруг ярко вспыхнул позолотой на солнце, которого не было пока видно из Зимнего дворца.

Тут выяснилось, что они не могут идти на площадь. Костя заснул, а будить маленького принца няни не могли – бабушка воспитывала великих князей по Локку и Руссо, иначе говоря, внуки были вольны спать и есть не по часам, а когда заблагорассудится. Старой грузной немке Бенкендорфихе выходить из дворца не хотелось, она осталась стеречь сон Константина. Сухопарую и живую англичанку Гесслерику, напротив, манило на площадь, она взялась проводить Александра к Адмиралтейству.

Они как раз успели к прибытию бабушкиного шлюпа. Императрица Екатерина взошла по трапу в окружении малочисленной свиты, и в её честь за пятисаженным занавесом грянули пушки. Полки фельдмаршала Голицына вторили залпу своим раскатистым «ура!»

Бабушка улыбнулась, увидев внука на руках Прасковьи Ивановны, но подойти к ним не могла – ей полагалось обойти войска, выстроившиеся полукольцом вокруг памятника, скрытого за рисованными скалами.

Сквозь толпу пробрался кучер Илья Байков и передал Прасковье Ивановне, что велено везти его высочество в Сенат. Но сначала надо заехать во дворец за Константином. Брат проснулся от пушечных залпов,

Софья Ивановна его уже одевает. Бенкендорф сообщила Прасковье Ивановне, что её императорское величество желает взять внуков с собой – на балкон Сената, откуда они будут наблюдать открытие памятника.

Вся эта сумятица расстроила Александра, проще было сразу пройти за бабушкой в Сенат, не возвращаясь во дворец. А теперь они могут пропустить самое главное... Однако верный кучер к Сенату приехал вовремя. Начало торжеств откладывалось, государыня принимала иностранных гостей. Вся Европа желала видеть работу Фальконета, который изготовил первую модель Петра на вздыбленном коне семнадцать лет тому назад, и вынужден был покинуть Россию, не дождавшись, когда монумент установят на площади.

Как часто бывает поздним летом в столице, к четырём часам пополудни распогодилось. Императрица удачно подгадала, задержав начало церемонии. С выходом её величества на балкон площадь перед Сенатом вдруг осветилась северным солнцем. И огласилась восторженными криками толпы.

Бабушка обернулась к внукам и улыбнулась:

– Господин Александр, народ вас приветствует.

Маленький господин, стоявший с братом на специальном постаменте, попытался перегнуться через каменные перила и помахать собравшимся внизу поданным. Прасковья Ивановна ухватила его сзади за курточку.

– Сейчас бабушка подаст знак церемониймейстерам, – сказала она. – Те следят из-за занавеса в подзорные трубы, когда им нужно начинать.

Толпа смолкла, даже невыспавшийся Костя перестал хныкать. Бабушка прищурилась близоруко, глядя вдаль, и как бы нехотя кивнула. Тут же от постамента раздался треск отрываемых жердей. Занавес был не цельным, а сбитым на отдельных подрамниках, они развалились на стороны – наподобие огромного картонного домика, поднимая клубы пыли. Тут пушки выбросили изжелта-белые облака, до балкона с запозданием докатился их тяжёлый удар, через пару секунд он вернулся эхом, отражённый стенами Зимнего дворца.

Зрелище было изумительным: пороховой дым рассеивался, поднимаясь ввысь и медленно открывая очертания величественного всадника. По толпе пронёсся общий вздох восторга, рассыпаясь на отдельные возгласы ликования. Под балконом заиграла роговая музыка, на площади затрещали строевые барабаны. Войска пошли маршем, обходя по кругу изваяние.

Пётр Первый гордо восседал на могучем скакуне, указуя вдаль, за Неву. С балкона всадник показался Александру сказочным героем. Вот сейчас горячий конь оттолкнётся задними ногами от дикого камня, длинный плащ седока распахнётся широкими крылами – человеко-конь взлетит над набережной и вознесётся к небу!

Бабушка передала через Софью Ивановну, что возьмёт внуков в ограду памятника, на церемонию елеосвящения. Пусть посмотрят памятник вблизи. От крыльца Сената до памятника не смогли проложить в толпе коридор для венценосных особ, так что снова пришлось усаживаться в

кареты. Маленьких принцев к памятнику вёз дядька Илья. Карета медленно плыла сквозь людское море, пока не подкатила вплотную к чугунной ограде. Внутри пропустили только государыню Екатерину с великими князьями.

Там их торжественно встречало духовенство. Вкусно пахло ладаном, его сладкий аромат легко перебил едкую пороховую гарь, которой тянуло от стоявших вдоль ограды пушек. Екатерина с внуками по обе руки медленно шла вслед за священниками, обходившими памятник с молитвами. Господин Александр очень любит свою бабушку? А теперь у него будет бронзовый дедушка... Екатерина часто рассказывала внуку о Петре Первом, но считала, сейчас самое время напомнить господину Александру о преемственности. Из объяснений её выходило, будто бронзовый исполин на постаменте доводится им с Костей не прапрадедом, а дедом – раз отца зовут Павлом Петровичем (разумеется, Екатерина не рассказывала о дворцовом перевороте 1763 года, в ходе коего лишила короны и жизни супруга – Карла Петера Ульриха).

Мальчик слушал и кивал, но думал о другом. Памятник маленького Сашу напугал. Всадник вблизи выглядел слишком тяжёлым, приземлённым. Поражали исполненные анатомически безукоризненно, до прожилок, конские гениталии. Когда же они зашли с другой стороны монумента, ещё больше поразили глаза Петра – яростно выпученные, чуть ли не тех же размеров, что и шары меж ног его коня. Страшно стало – а ну как бронзовая глыба опрокинется прямо на них с неровного Гром-Камня? Ведь держится за постамент она лишь в трёх точках – задними копытами и конским хвостом. Оттого возникал зрительный обман, будто вся махина крайне не устойчива, достаточно одного напора ветра – и всадника сдует с дикой скалы!

Александру хотелось быстрее пройти мимо, однако бабушка крепко держала его за руку, замедляя шаг, с другой стороны её сдерживал Костя.

– Когда выласту, тозе буду на лошадке скакать! – пищал брат.

– Молодец! – одобрила бабушка, при этом ободряюще посмотрела на Александра, – вы обязательно также поскачете.

Саша не хотел скакать на медном скакуне. Не хотел стать бронзовым изваянием (бронзу – сплав меди с оловом – в осьмнадцатом веке называли просто «медь», так позже появится неофициальное название памятника – Медный всадник). Вокруг восхищались Фальконетовым творением, говорили, что истинно так должно изображать государя-воина, что Пётр получился как живой... Если «как», стало быть, так выглядит мёртвый? Саша ещё не видел настоящих умерших, но из рассказов бабушки знал, что они противопоставлены живым... От статуи веяло холодом вечности, а рука бабушки была тёплой и мягкой. Значит, тем отличается живое от мёртвого?

Наконец священники закончили обряд. Народу зачитали манифест. И снова Екатерина верно угадала по времени – подошла к дощатому помосту, украшенному цветами и золотыми вензелями, ровно в ту минуту, когда чтение манифеста закончили объявлением милостей народу. Передние

ряды за оградой закричали славу императрице – и вся площадь подхватила...

– Рейзера сей час подведём, ваше величество, – подсказал светлейший князь Потёмкин государыне. Та кивнула согласно.

На помост вывели под руки столетнего старца. Из пояснений бабушки Александру: сей почтенный капитан поступил на морскую службу при Петре. И удостоился чести лично из рук императрицы получить большую золотую медаль, специально отлитую по сему случаю.

Оркестр роговой музыки только теперь добрался от Сената, музыканты наскоро выстроились у основания памятника и грянули «Славу российскому флоту» – марш заглушил благодарственную речь ветерана Северной войны.

В заключение князь Вяземский объявил от имени императрицы: казна прощает долги разорившемуся Ивану Голикову. Несостоятельный откупщик, заранее извещённый о царской милости и пропущенный в ограду загодя, бодро взлетел на помост, несмотря на свою дородность, упал на колени – и тонким срывающимся голосом прокричал в толпу, что клянётся остаток дней своих посвятить написанию истории деяний Петра Великого.

III

На том церемония окончилась. Александр Павлович открыл глаза и увидел, что за окном совсем стемнело. В кабинете, вокруг походной кровати, стояли жена и гофмаршал её свиты Волконский, доктора Виллие и Тарасов.

– Алекс, как ты нас напугал, – произнесла Елисавета Алексеевна. – Как ты себя чувствуешь?

– Всё хорошо, Lise, – ответил государь. – Порезался во время бритья. Мне стало дурно при виде крови. Оказывается, я тоже подвержен обморокам.

Он продолжал говорить, стараясь её успокоить, но смотрел на Виллие. Доктор ещё в августе открыл государю: дни августейшей супруги сочтены. Конечно, можно отсрочить кончину, если на зиму отвезти её на юг, к морю.

Покидая Петербург, Александр взял с собой описание церемониала похорон Екатерины Великой, стараясь не думать, зачем может рукопись пригодиться. Однако Елисавета стала чувствовать себя в Таганроге намного лучше. А вот он вдруг слёг... Александр Павлович представил, как вдова найдёт в бумагах покойного ту рукопись. Она сразу поймёт, зачем он хранил пожелтевшие страницы. И узнает собственный приговор. Скверно получится.

Впрочем, теперь всё равно. А бабушка, конечно, приснилась неспроста.

ДЕНИС ОСОКИН

Родился (1977) и живёт в Казани. Выпускник Академического колледжа при Казанском университете и филологического факультета Казанского университета (кафедра истории русского языка и языкознания). Автор книг: «Барышни тополя» (НЛО, М. 2003); «Овсянки» (Колибри, Азбука-Аттикус, М. 2011); «Небесные жёны луговых мари» (Эксмо, М. 2013). Сценарист игровых и документальных фильмов, среди которых: «Овсянки», «Небесные жёны луговых мари», «Ангелы революции» (режиссёр Алексей Федорченко). Лауреат литературных и кинопремий. Член Киноакадемии стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейской киноакадемии.

СУХАЯ РЕКА

1

когда в любое время года – но чаще всего летом-осенью – жить становится невыносимо грустно – мы – старинные жители казани – садимся на 33-й автобус – на резиновую лодку – на велосипед – или можно даже пешком – (смотря где мы – и добираемся откуда) – и отправляемся на сухую реку.

она втекает в загородную дачную казанку (реку казань) – полурваной нитью прошивает северную границу города – и дальше неё – мы в это верим – уже не существует ничего.

мы не верим своим глазам когда стоя на берегу сухой реки видим что на другом её берегу растут цветы и трава – синеют леса – садятся птицы – вдалеке проносятся машины. мы улыбаемся этому миражу. мы смотрим прямо на север. в серый цвет баренцева моря.

её длина километров двенадцать. выходит из грунта чуть севернее городской черты. случается бежит невидимо. бывает за кустами ивы слышен лишь приглушённый звук – и если захочешь сквозь них продраться – тогда и наступишь в сухую реку. тапочка чавкнет и останется в глине – тут же зальётся водой. казалось бы сухая река – это одно название. если в году повсюду высокая вода – можно плыть по сухой реке от устья с полкилометра на лодке – не касаясь берегов вёсельными лопастями.

бывшие села – теперь окраины авиастроительного района – пп сухая река караваево – посёлок северный – на её пути. гидрологи и сотрудники городских архивов говорят что когда-то она была значительно шире – и пересохла лет триста назад за чьи-то там грехи. у села борисоглебское делается шире и попадает в казанку – где на надувных матрацах хохочет дачная жизнь. никто не думает о сухой реке. никто не видит её устья. слившегося с береговой линией более очевидной реки. нет её и на многих даже городских картах. на большинстве карт.

сухую реку можно запросто перепрыгнуть – местами её просто нет – местами можно пройти по палкам и кирпичам. но зачем нам на другой берег? ну да – бывает что мы туда сунемся – постоим – посидим – кого-нибудь тайно полюбим. но все эти вылазки – для усиления отчаянной нежности – для отвода глаз – и пустоты. ни одна женщина не забеременеет на сухой реке. ни одна жена не узнает о впитавшихся в здешнюю глину проступках мужа.

мы водим туда приезжих подруг и друзей – а местных подруг и друзей мы давно уже всех перетаскали – (по несколько раз). на сухой реке мы разговариваем с севером и югом – с морем и островами морей. мы видим всё – стоит лишь открыть глаза – а они и так всегда открыты. на сухой реке особенно доступны картины и закоулки мира. достаточно подумать желаемое – и всмотреться в воду в берега.

окрестности сухой реки – что-то вроде большого сломанного телевизора – ты увидишь в нём всё что захочешь – запомнишь – запишешь если нужно все-все подробности – но с возможностью реальных встреч с увиденным скорее всего придётся попрощаться. сухая река – условно – всё та же собственность антимира – если опять воспользоваться нашей испытанной терминологией.

у казани два сильных спутника – две площадки для обретения максимума и н ф о р м а ц и и и ч у д е с.

верхний услон – на высоком правом противоположном берегу волги – где волга делает к югу резкий поворот – где ветер разгоняется чтобы пролетев над травянистыми островами заполнить все сразу казанские улицы – высушить глаза – мы уже описывали.

в верхнем услоне активна жизнь – встречи и радости здесь обретаются по её законам. верхний услон ничего не берёт взамен – и не прощает обид. он не покажет внутренностей квартир печоры и нарьян-мара – а выдаст крики-призывы растущих под ногами трав – нашепчет имена здешних дачниц – и как с ними в два счёта познакомиться – как понравиться в один миг. с верхнеуслонской горы можно караулить лето – махать ему голыми телами. осенью жизнерадостный верхний услон обо всём наябедничает казани.

сухая река – площадка за номером два – и дело стало быть в этом. сухая река казани не скажет ни о чём. явит любое желаемое – всё разрешит – только без жизненной перспективы.

если вы сюда привели бесконечно дорогую женщину чтобы её раздеть – всё прекрасно получится – всю жизнь без остатка будете сухую реку видеть и вспоминать – но жить друг с другом никогда не будете – не женитесь – не родите детей. если захотите – можете как-нибудь снова вдвоём на сухую реку прийти – воспользоваться мягкой чуткостью антимира – его усталостью и уступчивостью.

если вы задумали книгу о латвии – приплывите сюда в августе в октябре – вы увидите алуksне добеле пилтене вентспилс... – все стрижи

под юбками тамошних девиц – фуражки всех полицейских – телефоны и имена – не хуже чем наяву – но в латвию вас не пустят.

кто не любит трястись в поездах и по синим зимникам – (заледеневшим речным дорогам) – кто достаточно любит оба мира чтобы не пенить их не ворошить – тому стоит навещать сухую реку. она очень хорошая – очень наша.

дружба с ней не отменяет поездок в верхний услон в мае месяце. эти местности не ревнивы – как не ревнивы и ласково-равнодушны друг к другу смерть и жизнь. как известно в антимире сухо – там нет океанов – там из ржавого крана изредка капает вода. всё очень верно в случае сухой реки.

жители любого города могут задуматься – где находятся их сухая река – их верхний услон.

3

мы особенно любим наш город к – здесь на сухой реке. мы любим его и думаем о смерти о собственных похоронах в кандалакше или в уржуме – на придуманной родине вымышленных родителей.

мы выпиваем здесь – да. что было бы если бы все принесённые сюда бутылки мы оставляли на сухой реке? ветер сыграл бы на них наши личные песни – их слушал бы весь материк.

дух сухой реки – какой он? вероятно сорокакилограммовый сом – с рваными усами – утыканный фиолетовыми растениями – синеглазый скользкий – в боку у него гнездятся ласточки-береговушки – как же они под водой? – чем дышат? он толкнётся в ноги случайным купающимся – ни о чём не спросит. много ли людей утонуло в сухой реке? наверно ни одного. это ведь хорошо. это тоже его заслуга.

сколько здесь на сухой реке никому не известных растений. прямо скажем – мы удивлены. в верхнем услоне не увидишь и половины – (там растёт всем знакомая с детства трава). а со здешними нам ещё предстоит долгая и интересная работа. надо составить гербарий и атлас «травы сухой реки» – издать отдельной книгой. мы осторожно плывём – чтобы не проткнуть о коряги лодку – и уже по ходу видим что в основном это виды принадлежащие к травам смерти. травы смерти рубцуют самые страшные раны – отпугивают налипшее плотной коркой чужое зло – примерно как мёртвая вода из сказок.

мы уверены что в окрестностях сухой реки скрывается не один неизвестный науке вид из царства животных – мы даже немного боимся – надеемся нас здесь никто не сожрёт? – и постоянно вслушиваемся в плески шуршания и пиканья. какая-нибудь голубая змея в оранжевой шляпке – длиной в сухую реку – кивающая всем как тюзовская актриса – и сообщающая: «меня зовут катерина». вот опять посыпался берег – кто-то прополз или пробежал.

также мы должны получше продумать о возможностях ритуальных практик на этих берегах и в этой воде – и выпустить книжицу «ритуалы

сухой реки». и опять-таки с ходу уверены что это будут практики лечения от затяжных болезней – страшные гадания – избавление от бесплодия (что ничуть не странно).

мокрая палка со дна сухой реки – определённого цвета глина – пустившая здесь корни и тонкой нитью поднявшаяся на поверхность воды ледяная зелёная кисточка будут чем-то сродни зубами вырванного зуба мертвеца или жабьего камня – если вы нам простите такое вульгарное сравнение. обнажившийся здесь человек достигнет многого. девушкам стоит сюда приходить и ронять одежду – ради обретения невероятной привлекательности – и безумной с л о ж н о с т и с у д ь б ы.

(ритуалы верхнего услона – кто помнит: пальба из помпового ружья ради летней радости «из окна прямо в дверь туалета» – скатывание на велосипеде с вершины горы с голыми дачницами на багажнике – кормление кашей огородного пугала и наречение его александром – ловля ветра пустой бутылкой с анной без трусиков – тёплой и родной)

однажды очень давно – ещё в детстве – мы пришли на сухую реку вдвоём – и в ней купались. мы голышом – а коллега в плавках. мы сделали писателями – и не покидаем сухой реки. коллега уехал и ни разу сюда не вернулся – не пишет – зато танцует – танцует жизнь – и колесит по миру. голышом плывущего по сухой реке смерть наградит талантами. жизнь искривит пути – перепутает все карты – даст табуретку и рубль на сигарету – сумасшедших соседей за ширмами – будет скрипеть и ёжиться – очевидно потом поддастся – даже ещё как – когда лучшие годы будут прожиты – когда останется мало желаний кроме желания посещения сухой реки.

4

на сухую реку существует несколько дорог. первая – на городском транспорте – кроме всегдашнего 33-го автобуса его ещё довольно много.

мы сядем к примеру на 1-й троллейбус на улице гагарина – где мы живём. проедем соцгород и выйдем на ленинградской улице – где печальные жёлто-зелёные сталинки шевелят балконами погибшими от неизвестных болезней – где рюмочные школа и баня – 10-й трамвай с непонятной страшной силой несётся на жилплощадку к заводу оргсинтез через изгибы и пустыри – двухэтажные дощатые любимые нами полудома с улицы чапаева хлопают сырым бельём. можно бы было ехать и дальше – но мы пойдём пешком. улицами писателя вересаева – путешественника пржевальского – учёного циолковского – морского героя челюскина – улицей мариупольской или идущей параллельно с ней карагандинской – улицей певца собинова – улицами о существовании которых кроме самых местных мало кто догадывается в городе – выйдем на сухую реку. дома здесь почти все с калитками – то есть свои.

остальные пути – вдоль реки казань: от прибрежной панельной улицы гаврилова – на велосипеде на лодке или пешком.

горбатый мост – самый северный мост казани – самая мистическая наша конструкция – по которой грохочет товарный поезд – отделяет городскую казанку от загородной – пусть условно но в общем-то это так. если на лодке – надо нырнуть под него. если с велосипедом – перелезть через железнодорожную насыпь.

неподалёку от горбатого моста раньше был посёлок брикетный – вкраплённый в сладкую жизнь болот – тут когда-то из жижи поднимали торф и прессовали в брикеты – мы здесь родились мы очнулись среди утиных клювов и глаз – блестящей опасной зелени – среди чудовищ (выпивающих всю кровь пиявиц – утягивающих на дно золотисто-заиленных рыбин – и личинок стрекоз способных перекусить человеку позвоночник) – на улице луговая в доме номер один.

сапогами меряли глубину. тонули и удивляли уток. проникали в обгоревшие развалины залитые опасной водой – звали на помощь – молчали от ужаса. по болотам неслись к дому – спасаясь от болотных дядек. кидались камнями – стреляли из лука – теряли обувь – о восторг.

за горбатым мостом – мы знали – начинается всё волнующее – всё другое – за горбатым мостом есть нечто что даже больше чем всё. мы изредка за него заглядывали – прихватив шарлотку и квас. мы слышали от взрослых что перед ним похожая на нас заболоченная деревня савинка и хлебзавод – а за ним укрытое в лютиках небольшое татарское кладбище и секретный аэродром – самолёты идущие туда на посадку постоянно гудели у нас над головами – их можно было легко потрогать – сорвав подлиннее камыш. мы слышали что где-то совсем далеко за горбатым мостом есть сухая река. ни одна живая душа не могла объяснить нам – а что же дальше?

за горбатый мост если плыть на вёслах сквозь луга и тесные дачи с лесенками прямо в воду – с дурацкими старыми креслами тут же у воды – с ивами и тополями – с летними запахами и криками – сухая река появится через полтора часа. а если идти обычным шагом – не петляя и сокращая путь – можно и за час дойти. а если на велосипеде – не успеешь как следует разогнаться. то что до сухой реки замучаешься добираться – это нам смешно конечно. а то что нет ничего за сухой рекой – в это мы верить рады. в казани и её окрестностях много воды – это нам очень нравится. тугая упругая волга – с запахами неумирающих пятисотлетних рыб: река казань – грустная любовь к которой приобретается лишь через чтение татарского народного эпоса: свияга с поймой в тысячу островов – где хрюкает выпь и колдуют цапли – щекастым браконьерам жестоко выбивают глаза: кама – хвойная наша невеста – камское устье с сорока километрами ширины – с деревнями с луковыми грядками неожиданно уходящими к кромке океана – с городом лаишево на приокеанской горе – где в гостинице летом мы обнимаем подруг из киева – а зимой выпиваем за новый год: много воды подземной.

вода изрядно снимает напряжение земли – снимает и уносит – поэтому жить нам гораздо легче чем жителям местностей лишённых больших рек. и среди всей здешней названной и не названной нами воды – сухая река занимает особое место. конечно мы не скажем что она значимее

допустим волги – но точно уж волга не значимее сухой реки. сухую реку всегда имеет в виду каждый настоящий житель казани и пригородов. почти каждый.

лично про нас и сухую реку мы теперь вот что с улыбкой думаем – вот о чём мечтаем: вдруг сухая река лично нам окажет невиданную милость – нам одним откроет свои тайны и почти ничего не захочет лишить? мы ведь вон книгу про неё написали – самую первую наверно. едва ли это больше чем самоуверенность – река на нас не в обиде – ей тоже весело.

5

вчера мы снова были на сухой реке – мы только что оттуда. ну и жара стояла. с нашей приятной спутницей мы долго двигались на резиновом пузырье по дачной казанке – спасались от коров – без конца залезали в воду – не надолго заплыли в сухую реку – не сразу её нашли – поздоровались и повернули обратно.

лето пока что есть. можно кататься – вдвоём и даже втроём. аккуратно вываливаться из лодки. плыть параллельно с ней по казань-реке (чем-то кстати похожей на сухую реку) – и в самом широком месте – мимо внимательных уток и стрелообразных трав. лодку волочь за носовой шнур – намотав его на палец – она не мешает плыть – она из резины и воздуха. кого же мы в ней везём – когда передвигаемся подобным способом? разговаривать друг с другом – иногда переворачиваясь на спины. мы не утонем – мы ухватимся за горячий от солнца борт если за ноги нас схватит судорога – и так к берегу поплывём. неожиданно нащупать дно и вспомнить что при малой воде где-то здесь действительно был остров. животами вползать через борта – осторожно – помогая друг другу.

мы уже писали в книге о суккубах что однажды велосипед у лета ломается – и можно его неожиданно обнаружить где-нибудь среди пока что зелёных холмов непожухлых трав. так вот – сломанный жёлтый велосипед лета бережно отбуксовывается на сухую реку. делает это осень. лето-то само бросит его и уйдёт – помочится на траву – прогундосит что-то. а осень припрячет этот велосипед в сухорецкие заросли.

зимой здесь будет не пройти – разве что на лыжах. сухая река подо льдом и снегом – обозначенная только двумя рядами замёрзших кустов – не потеряет своих свойств. даже будет ещё более благосклонна к человеку из города – проскрипевшему сюда на лыжах – безо всякой лыжни – с маленькой бутылкой водки.

25.07.2004

ФИЛИПП ПИРАЕВ

Родился в Тбилиси в 1965 г. С 1993 года живёт в Казани. Поэт, прозаик, переводчик, художник. Автор книги стихов «Угол взлёта» (Казань, 2015). Публикации в журналах «День и ночь», «Новая реальность», «Идель», «Графит», антологии «День поэзии XXI век. 2015/2016» и др. Автор перевода гимна республики Татарстан на русский язык.

ОСОБАЯ ПРИМЕТА

Стихи выдают темперамент поэта; манера одеваться говорит о жизненных приоритетах человека. Пристрастие шахматиста к тем или иным дебютам служит ключом к пониманию его стиля. Например, если ваш соперник регулярно избирает Русскую Партию или защиту Каро-Канн, то, скорее всего, в поединке с ним вас ожидает спокойная маневренная борьба. А если же вы столкнулись с приверженцем Варианта Дракона или Атаки Маршалла – значит, не повезло, и надо быть готовым к острой комбинационной игре...

Но к чему это я? Да просто вспомнился один случай.

Дело было в одном южном приморском городке. Четверо казанцев – я, Рычаг, Не Займи и Губа – играли в третьесортном турнирчике, посвящённом какому-то юбилею местной шахматной федерации. Всё шло как нельзя лучше, нам светили призовые места; догоравший предпоследней лазурью сентябрь пьянил ароматом магнолий и улыбками провинциальных красавиц. Из окон уютного двухэтажного клуба, в ярко размалёванных залах которого разыгрывались чёрно-белые баталии, открывалась импрессионистская панорама небольшого залива с устало ползающим по нему прогулочным теплоходом.

Закончив свои партии, мы обычно ждали друг друга в близлежащем сквере и – через столовую, всеми своими засаленными скатертями и бумажными котлетами вопиющую о верности идеалам Коминтерна – шли на набережную, дабы окунуться в бархатную пену беззаботной курортной жизни. Ассортимент развлечений, впрочем, был невелик: стряхнувший с себя штукатурку и не подозревающий о существовании игровых автоматов кинотеатр; наполовину залитое водой футбольное поле; ну, и, разумеется, пляж. Имелся ещё парк, гордящийся парочкой статуй именитых горожан и убогих Афродит, в коем случались дискотеки. Именно последние, в совокупности с пляжем, представляли для нас особый интерес: там шла охота на приезжих любительниц трёхдневных романов и безутешных барышень из общежитий.

В самом центре парка, рядом с эстрадой, располагался деревянный павильон, предлагавший посетителям соки и квас; тут же находился навес, под которым, как в старые добрые времена, красовалась просторная шахматная доска с огромными, в треть человеческого роста, фигурами.

Завязав знакомство, мы, как правило, сначала угощали дам соками, а потом приглашали либо в кино, либо на набережную – подегустировать вина, а то и просто уходили с ними в самые безлюдные места парка. А далее, как заведено, озвучивалось приглашение в гости. Кто-то направлялся в наши грошовые апартаменты, кого-то ждала милая ночь в увитом лозами домике с видом на бухту.

Губа же приобрёл привычку задерживаться в павильоне, где, выдавая себя за любителя, разводил беспечных поклонников древней игры. В ход шёл испытанный приём карточных «катал»: первую партию он выигрывал как бы с трудом, вторую с треском проигрывал, после чего самым естественным образом следовало предложение сыграть на червончик. В третьем заезде фиксировалась ничья, а потом, по мере увеличения ставки, Лёша вдруг обнаруживал в себе недюжинные способности, что приводило к полному разгрому доверчивого туриста.

– Ну и повезло же мне сегодня! – успокаивал победитель очередного лопуха.

Нередко он приходил в номер уже затемно, отягощённый стельниками и полтинниками, и тут же заваливался на неубранную кровать прямо в одежде, а иногда и в кроссовках. С умиротворённой улыбкой выслушивал наши подтрунивания и засыпал. Так продолжалось почти ежедневно. Тем не менее, наутро наш герой выглядел бодрым и смело рвался в бой с мастерами спорта. А турнир и наше безоблачное времяпровождение тем временем подходили к концу.

В заключительном туре нам удалось одержать решающие победы, в результате чего вся великолепная четвёрка получила конверты с приятно хрустящим содержимым. И, как водится в таких случаях, решено было это дело отметить. Купив на вокзале билеты, мы вернулись на набережную, где Не Займи уже присмотрел магазинчик с приличным вином и съедобной закуской. Однако дорога в гостиницу шла мимо павильона, и Губа привычно притормозил возле любимейшей кормушки. День был выходным, там уже толпилось с десятков его потенциальных клиентов.

– Ты что, Лёша, – усмехнулся Рычаг, – даже сегодня хочешь играть?

– Брось! – поддержали Виталия мы с Не Займи, – тебе что, приза не хватило? Да и гости нынче должны прийти – забыл, что ли?

Но Губа сосредоточенно молчал, всё ближе подбираясь к бермудскому квадрату играющих. И наконец – о жадность! – пробурчав что-то вроде «начинайте без меня, я ненадолго», смешался с толпой в твёрдой решимости выжать из поездки максимум.

Уговаривать его было бесполезно. Мы сокрушённо вздохнули и побрели домой. В назначенное время встретились с девчонками из соседней общаги и пригласили их на пирушку. Последний вечер в гостеприимном городе казался нам многообещающим.

Что приключилось с Губой, мы узнали позже. Примерно в то время, когда я откупоривал вторую бутылку, в павильон вошёл мужик в солнцезащитных очках и стал молча наблюдать за происходящим.

Разделавшись с очередным лузером, Лёха полубопытствовал, не желает ли новоприбывший сыграть партийку-другую. Разводить его даже не понадобилось – тот сам вытащил из кармана пятихатку и барским жестом кинул на стол. «Вот это да, подфартило!» – мелькнуло в голове у Губы. И началась битва.

К радости казанца, выяснилось, что играет мужик не так уж сильно: первый бой Лёша выиграл без труда. Во втором соперник оказал некоторое сопротивление, но и тут его мастерства не хватило, чтобы отразить лёшину атаку. То же повторилось в третьем и четвёртом поединках. Вскоре кошелёк нашего друга пополнился ещё несколькими солидными купюрами.

– Тебе сегодня явно везёт, – прошипел незнакомец и покинул ринг.

– Может, ещё? – самоуверенно бросил вдогонку Лёха. И, не получив ответа, принялся за дожидавшихся очереди рыцарей Каиссы.

Но фарт в тот день был не на его стороне. Дождавшись сумерек, тип в очках подкараулил триумфатора в тёмной кипарисовой аллее и как-то не очень приветливо предложил поговорить. В процессе беседы он попытался толковать Губе, что профессионалам обыгрывать любителей – нехорошо.

– Но я такой же любитель, как и все, – сделал честные глаза Лёша. В ответ раздался недобрый смех.

– Во-первых, я бывший перворазрядник, и всё же могу отличить любителя от профи, а во-вторых, мои кореша видели сегодня в клубе, как ты получал приз. Так что теперь будем рассчитывать.

Лёша решил было ретироваться, но материализовавшиеся из кустов три пляжных бугая совершенно исключили возможность манёвра, тем самым поставив его в патовое положение. И прежде, чем раствориться в сладострастной южной ночи, реквизировали всё честно заработанное бабло, включая конверт. Причём, сделали это крайне неуклюже – на лице и теле Губы остались отнюдь не добавляющие привлекательности ссадины.

Когда невинный страдалец кое-как доковылял до гостиницы, дежурная по этажу, невзлюбившая нас со дня приезда, обморозила его жабым взглядом и процедила сквозь зубы:

– Никуда не ходи, травмпункт всё равно не работает!

И стала звонить в милицию. Мы окружили пострадавшего, усадили на стул, пытаясь по мере возможностей облегчить его мучения. Услышав слово «милиция», девушки выпорхнули в коридор, и вскоре цокот каблучков по мостовой заставил нас смириться с фактом, что праздник непоправимо испорчен. Не успели мы толком расспросить Губу о деталях происшествия, как в холле послышались шаги, и через несколько мгновений к нам постучали. Я открыл дверь, и в комнату вошли две сонные фуражки. Из-за спин блюстителей порядка торжествующе выглядывало размалёванное помадой пугало.

– Коля, я как чувствовала: с этими обязательно что-нибудь случится! – заверещало оно, – Ты только глянь, что у них за бардак! А ещё – шахматисты! Живут вчетвером, а платят за троих, ключ не сдают, баб водят – только что тут были! Испугались цыпочки, разбежались...

Лысый сержант повесил фуражку на крюк и огляделся: сквозь завесу табачного дыма готическим собором проглядывали недопитые бутылки; пол украшали бычки, бомж-пакеты и крошки; в незастеленной лёшиной кровати пестрели пачки презервативов и номера «Плейбоя».

– А вы действительно шахматисты? – мент взял со стола чебурек и отправил себе в рот. Мы кивнули.

Прыщавый рядовой отворил окно и выглянул наружу, словно желая проверить, не прячется ли кто на карнизе.

– Документики...

Губа, отдавший кому-то свой паспорт за долги, сообразил, что всё можно свалить на обидчиков. Остальные неохотно повиновались.

– Значит, из Казани – чуть ли не угрожающе зевнул хозяин положения и упёрся мутным взором в разукрашенное лицо потерпевшего:

– Ну, давай, излагай.

Губа повторил почти слово в слово то, что успел сообщить нам. Затем последовал диалог:

– Ты уверен, что это тот самый мужик, из павильона?

– Да.

– А тех, других, ты не разглядел?

– Нет, было уже темно.

– Может, они называли друг друга по именам? – ещё один чебурек исчез в брюхе сержанта.

– Нет, они только кричали «вот тебе, Бендер-бей, Бендер-бей!»

Погоны поскрипели извилинами, переглянулись и пожалы плечами.

– Ну хорошо, может, у этого типа были какие-нибудь особые приметы? – прозвучал дежурный вопрос.

– Да нет, обычный мужик в «Адидасе»... Хотя...

– Ну, ну? – как мог, изобразил внимание любитель чебуреков.

И тут Губа выдал:

– Он постоянно играл Вариант Дракона!

РУСТЕМ САБИРОВ

Родился в Казани в 1951 г. Окончил КФЭИ. Член СП РТ. Автор 5 книг прозы – «Прощание с ангелом» (1991), «Странные истории» (1998), «Конец лабиринта» (2001), «Беглец» (2007), «Веретено» (2016). Лауреат премий им. М. Горького и Г. Державина.

ПОЛЁТ НАД ПРЕИСПОДНЕЙ *

Фрагмент повести «Сказание о Летучем Голландце»

... Ничто не предвещало беды. Ничто...

Пять лет провёл я в марокканской деревне Ахзар неподалёку от моря. Пять лет ада, среди жителей деревни, коих я склонен называть нелюдями, и ничто не может меня в том разубедить. Конечно, где-то в селениях на отрогах Атласских гор, среди кочевников-бедуинов обитают чистые от скверны души. Но в тех приморских селениях, близ Агадира, где люди веками отродясь не ведали иного ремесла, кроме свирепого разбоя и безжалостной работоторговли, живут сущие исчадия тартара. Подлое ремесло выжгло их разум. Как-то на моих глазах караванщики зарубили палашами полста человек, потому что алжирский купец отказался их покупать, ибо они были чрезмерно истощены. Зарубили обыденно, неторопливо переговариваясь, на глазах у истошно вопящих детей. Однако деяния этих изуверов – дело отдельного повествования. Моё же не об этом.

Итак, пять лет ада закончились 6 марта 17... года. В трёх милях западнее Мадейры французский военный бриг «Ля Пантер», следовавший из Порт-Руаяля в Марсель, настиг и взял на бордаж марокканскую фелуку. Команду после короткой схватки побросали в море, старшего повесили на рее. Именно так принято было обращаться с алжирскими и марокканскими корсарами.

Нас было четырнадцать человек – французы, скандинавы, итальянцы, левантинцы. Спасение, которое казалось недостижимым, стало явью, и я никогда не был и уж точно не буду так счастлив, как в те блаженные три дня.

В конце третьего дня пути, когда мы уже миновали Гибралтарскую скалу, после полного безветрия, вдруг при ясном небосклоне налетел ужасающей силы шквал, который завертел двадцатипушечный бриг, как фанерный ящик, чудом не сметя с палубы двоих матросов. Причём, небо оставалось кристально безоблачным. Однако не прошло и минуты, как шквал стих, будто и не было его вовсе. Все мы восторженно и облегчённо загалдели, сгрудились на баке. И только один человек, пожилой датчанин Холлдор, проведший в рабстве шестнадцать лет, угрюмо забился под

* Здесь мы представляем фрагмент книги Бенисио Фаустино из Брагансы, увидевшей свет в 17... году в Лиссабоне. Книга имела некоторый успех, издатель даже обещал продолжение. Однако автор вскоре загадочным образом исчез.

самый румпель. «Святая Богородица, помилуй нас, окаянных», – бормотал он, торопливо крестясь почерневшей и костлявой, как сухая ветка, рукою. Я тогда, опьянённый свободой, помнится, посмеялся над ним мимоходом...

О том, что случилось потом, не решался повествовать, ибо это никак не укладывается в рамки реальности и здравого смысла. Читатель волен предположить, что я вздорный лгун или просто выжил из ума.

* * *

Итак, сначала была туча. Вернее, просто облако, облачко на синем небе. И она тотчас привлекла внимание необычными очертаниями и, главное, цветом. Очертаниями напоминала крабью клешню, а цвета была иссиня-чёрного. Шум и веселье стихли тотчас. Потому что туча на глазах разрасталась, набухала, словно накачивалась тёмною влагой, как гигантское хищное растение. Во-вторых, она неслась по небу со скоростью, необычной даже при шквальном ветре, тогда как вокруг царил знойный штиль. Когда она закрыла солнце, нахлынул мрак, тот особый недобрый мрак, который случается в часы полного затмения солнца. Наше судно очутилось в центре зыбкого купола сгущённой мглы. И вслед за мглою наступила невообразимая духота, воздух точно застревал в гортани.

А затем приключилось уж вовсе странное. Замерший на месте корабль, рывком сдвинулся с места. Шпангоуты заскрипели, словно их с обеих сторон сдавила неизвестная сила. Движение было не вперёд, а по кругу. Причём, паруса по-прежнему висели безжизненно. Движение становилось всё быстрее, казалось, нас сносит в какую-то гигантскую воронку, хотя поверхность воды была ровной. Невозможно словами передать это ощущение: стремительное движение при полной неподвижности вокруг. Судно наше словно отделило себя от моря. Наконец вращение стало таким, что всё окружающее, за пределами этого туманного опрокинутого конуса слилось во вращающийся вихрь. Меня притиснуло спиною и затылком к бизань-мачте. Запрокинув голову, я к удивлению и ужасу увидел прямо над собою нашу палубу и распостёртых на ней людей и себя в их числе. Однако это не было отражением! Люди там никак не повторяли наших движений. И я увидел, как Я там, за туманной кисеею, привстал на колени, затем, цепляясь за мачту поднялся на ноги. То же происходило и с другими. Они поднимались и бродили по палубе на подкашивающихся ногах. Однако не все. Большинство так и оставалось распластанным на палубе. Кажется, они были мертвы. Я попытался приподняться, однако руки и ноги были тяжелы, как якорные цепи. Страха не было, было лишь любопытство. То есть я как бы смирился со скорым и неизбежным своим концом, и был даже в восторге, что смогу его лицезреть со стороны. Кому из смертных выпадало такое. Случилось иное. Дымка, опутавшая бриг, стала густеть и вскоре стала непроницаемой. Я же, отчаявшись не только подняться, но и просто шевельнуть рукою, закрыл в изнеможении глаза и, кажется, почти мгновенно погрузился в сон.

* * *

Я проспал около часа. Проснулся от жары и слепящего солнца. Понадобилось время, чтобы осознать, что я нахожусь в шлюпке, что в руках у меня вёсла, что вокруг меня гладь океана, а прямо передо мною – тощая спина гребца. «Эй, – осторожно сказал я, с трудом понимая собственный голос, – где мы сейчас? Можешь сказать? Спутник мой не ответил, хотя по тому, как вздрогнула его худая шея, он меня услышал. Ответил только на третий раз.

– Почём мне знать. Там земля, – он мотнул головой назад. – До неё пять-шесть миль. Часа за три доберёмся, авось. А там – проваливай с Богом.

Я наконец узнал его. По голосу. Это был Жерар, матрос-сигнальщик с брига «Ля Пантер».

– Хорошо-хорошо. Только ведь там, как я смотрю, остров. Причём довольно маленький. Так что провалиться-то мне, получается, некуда.

– Провалиться всегда найдётся куда, чёртов чужеземец, – Жерар наконец повернулся и ощерил кривые и редкие от цинги зубы. – И довольно трепать языком. Доберёмся до берега – катись от меня подальше.

– Что ж я тебе плохого сделал, Жерар? – поинтересовался я.

– Глотку заткни, я сказал, чёртов нечестивец! – вдруг взревел Жерар.

– Что плохого ему сделали! Это был мой последний рейс! Я нанялся на пять лет, и в Марселе я должен был получить расчёт за пять лет плавания и вернуться домой. И всё было бы так, если бы на нашем пути не оказалась ваша дьявольская фелука. Да! Дьявольская! Я давно слышал, что берберы принуждают невольников продавать душу дьяволу. Тем и живёт их чёртово племя!..

Тут он зашёлся в мучительном, с хриплым клёкотом, кашле, замахал руками, я же почёл за благо разговор не продолжать.

* * *

Островок в самом деле оказался крошечным и почти безжизненным. Редкие клочья травы и кустарника в расселинах скал, всё прочее крыто слоем спёкшегося вулканического пепла, делавшим этот ошмёток суши ещё более безжизненным, чем он был.

Остров был, как ни странно, обитаем. На плоской вершине скалы возвышался полуразрушенный маяк, в котором, в хижине у его подножия, жил его служитель, колченогий грек Вангелис. Он и сообщил мне то, что надолго лишило меня дара речи и едва не лишило разума. Островок тот крохотный именовался Аспро и располагался он в полутора милях от большого, очертаниями схожего со сломанной надвое подковой, острова Санторин. Мне приходилось бывать на том острове, и я отлично помнил, что от него до того места, где нас застиг адский шквал, примерно пять суток пути при попутном ветре. Пять суток пути, который мы прошли за

час с небольшим. За час с небольшим, попытайтесь себе это представить, господа.

Тот грек, сам бывший моряк, говорил много и непонятно. По его словам выходило, что в заливе, внутри подковы Санторина – выход или вход из какого-то «морского колодца», что сам он там не бывал, слава Богу, но те, кто побывали, уже не могут жить прежней жизнью.

Должен сказать, что вся моя последующая жизнь подтвердила совершенную его правоту...

* * *

... – О португальце ничего не слышал. Зато о бриге том французском наслышан весьма. Корабль, ведомый мертвецами. Матросские байки для полуночного трёпа в кубрике.

– Его прозвали «Неприкаянный бриг». Говорят, он останавливает встречные суда. Ничего дурного они вроде не делают. Но капитан просит, просто-таки умоляет взять у него письма на родину, ибо сам он к берегу по какой-то причине пристать не может. Так вот, письма эти ни в коем случае брать у него якобы нельзя. Потому что корабль после этого и мили не пройдёт. Уйдёт на дно, без всякого шторма.

– Я знал человека, который видел этот «Ля Пантер» своими глазами. Говорит, бриг этот стоял на якоре близ Лимасола. Стоял двое суток. Турки занервничали: сперва пальнули по нему из береговой батареи, затем взяли на абордаж. А на судне-то – ни души. Пытались увести бриг в порт, но так и не смогли поднять якорь. Но что самое удивительное...

Капитан не успел договорить. Корабль словно пронизала судорожная оторопь. Наверное, так приходят в сознание больные после тяжкого забытья. Сгущённый, зачумлённый воздух распался, ворвался наконец стосковавшийся взаперти ветер. И вновь началось ускоряющееся круговое скольжение по периметру бездны. Они словно очутились внутри громадного, бешено вращающего водяного веретена. Ускорение было стремительным, однако совершенно безболезненным. Ощущения пропали. Осталось лишь одно: чувство ослепительной, непостижимой высоты...

* * *

Утро застало «Сивиллу» на якоре. Все, кому удалось уцелеть, а их осталось четырнадцать человек, беспробудно спали на палубе, не хватило сил даже развязаться.

Над степенной гладью Индийского океана вставало мутное, словно похмельное, солнце. Оно тупо пялилось на носовую фигуру «Сивиллы», изрядно потрёпанного ангела, смотрящего вперёд из-под пухлой детской ладони. Над палубой оживлённо кружили чайки, распростёртые человеческие тела вызывали в них известное любопытство.

– Ну-ка ты, дура, – проснувшийся Эрмоса ногой прогнал самую наглую из них. – Катись отсюда. Мы, похоже, не сдохли...

АЙДАР САХИБЗАДИНОВ

Родился в Казани 2 декабря 1955 года. Окончил школу № 98 в посёлке Калуга. Служил в Советской армии. Учился в КГУ на истфилфаке. Окончил Литинститут им. Горького. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премий. Временно проживает на даче в Подмосковье.

КАК МЫ НА ГОЛУБОМ ОЗЕРЕ МОРЖЕВАЛИ

Купаться зимой в Голубом озере меня заманил Володя. Заходил с мороза в комнату, плотный, голубоглазый, с ёжиком на голове, не знавшей шапки.

– Ну что – едем? – говорил.

Отпечатав страницу на машинке, я валился на диван. Полный ненависти, щурил глаза:

– Смерти моей желаешь?

Он проходил в комнату, трогал журналы на столике, улыбался.

– Ты пухлый, как пингвин, – защищался я. – А у меня одни кости!

– Зато я – кичкиня!

Володя и вправду был по грудь моей жене.

Диана с улыбкой вносила поднос с чаем, ставила на стол, произносила: «Вот чай» – и в нерешительности перебирала пальцами подол платяца, моргала, не знала, как быть: оставаться или уходить.

Володя, в прошлом опер, курировал крутую гостиницу, спас жизнь крупному предпринимателю, конкретно приговорённому: уже снаряд, пущенный из гранатомёта, влетал в спальню дельца, но, благодаря наклонной решётке жалюзи, ушёл в потолок. В трудных переговорах с главарями банды Володя отвёл от приговорённого ствол очередного киллера и теперь по совместительству возглавлял и службу безопасности дельца. Володя также был в лучших отношениях с командирами роты президента, и случись обида, и дело правое, ландскнехты в касках придут рассекать, будь то стая воров в законе, будь то глыба льда.

Конечно, мы просили Диану посидеть с нами, и она была несказанно рада. Послушать суждения опера о том, кто кого в городе отстреливает, какая судьба уготована уцелевшим авторитетам, имена которых вонючие группировщики в её школе произносили шёпотом, – это тебе не шала-бала! Это смерть от зависти, с судорогами и поносом, огласи девчонка хоть один эпизод!

Володя сидел у меня допоздна, гулял в саду, парился в бане.

– Хорошо у тебя, – говорил он, – будто в церкви побывал.

Он не знал, как отблагодарить меня за напечатанные материалы о кровавой банде, в разгроме которой он участвовал лично. Человек лирического склада, он бережно хранил журналы в надежде, что когда-нибудь о нём прочитают внуки и правнуки.

На то он и оперативник, чтоб колоть, и на лбу у него звезда. Он садился у окна и исподволь начинал рассказывать об излечении страшных болезней, о Порфирии Иванове, его последователях, что приезжают на Голубое озеро, встают в круг и поют гимн ему, Порфирию, их Богу, а после купаются; они дружелюбны, здороваются и с прохожими, и с пассажирами в транспорте. При них нельзя плевать на землю. За это они побьют. А если побежишь, догонят и всё равно побьют. Ибо земля – святая.

– Многие из них болели раком, – добавил он, – а теперь нет.

– Как это? – изумился я.

Злостный курильщик, я шибче любого смертного боялся рака.

– Когда прыгаешь в купель, – пояснял Володя, – срабатывает терморегулятор. Температура тела резко повышается до 42 двух градусов. А раковые клетки при 41 градусе погибают. Ты хоть книгу читал?..

– Читал... дочитываю, – соврал я.

На другой день я ехал в его машине в сторону Голубого озера.

– Слушай, я в холодной воде сирию! – сопротивлялся я.

Володя уверенно смотрел на шоссе.

– И вообще, бедро у меня на холоде из таза вылетает...

– О, это коксартроз! – заметил он. – Поздравляю! Скоро одна нога станет короче другой. Будешь бегать вприпрыжку, как Паниковский. При молодой-то жене! Тебе надо плавать. Укреплять мышцы без упора на суставы.

Несколько человек – Володя, директор кладбища Миша, вылечивший на Голубом озере простатит, ещё один подозрительный субчик (с виду щипач-карманник), у которого начал гнить указательный палец, а после купания – в силу химической перестройки организма – перестал гнить, а также ещё два типа, фиолетовые от татуировок, – все они, затаив дыхание, наблюдали, когда я голый, криворото озираясь, входил в воду, бледно-синий, как писанный акварелью старец, и под их усердные кивки тихо-тихо присел в ледяную обитель.

– Во-о-от... – выдохнули они с умилением. Лица их, испещрённые шрамами, сжались в сладчайшую мимику.

– С лёгким паром! – поздравляли они меня и угощали из термоса дымящимся на морозе чаем.

Сам Володя нырял с помоста. С прыжком вверх. Плавал по десять минут.

Я начал ездить на озеро по два-три раза в неделю. И на самом деле, стал чувствовать себя бодро, будто помолодел на десять лет.

Володю загрузили делами. В город приезжали важные люди, политики, артисты, воры в законе. Постояльцы гостиницы тянулись к нему, мягкому, голубоглазому «кичкиню». А генерал Ачалов, которого Володя возил на озеро и грел в сауне в окружении наяд в кокошниках, собирался забрать его в Ирак, к Саддаму Хусейну, качать там нефть.

Саддам Хусейн выкатил Ачалову презент – навороченный джип, стоимостью с яхту. На что Ачалов гордо ответил: «Русский генерал в подарках не нуждается!»

А пока они ездили с Володей по нашим монастырям. Трапезничали, парились в банях и ночевали в избах под образами.

Я же подтянул одноклассников. Мы катили на Голубое по широкой объездной трассе на двух, трёх автомобилях – наперегонки.

Хорошо возвращение. Авто летит, прижимаясь к асфальту, в салоне сакральное молчание причащённых, тело покалывает иголочками, знобка, и тянет в сон. А впереди сауна: сушь раскалённая, тишь оглушённая. И нирвана – с течением на ментальной волне, с открывшейся мелодией вселенной, когда звонко лопнет в ухе родоновый пузырь.

Заманил я купаться и жену. Преодолевая ужас, она держалась за перила лестницы, входила в воду по пояс и с диким визгом приседала. Выходила из озера смиренная, как монашка. Глаза долу.

Тёща сидела на кухне в своём углу, когда её оповестили о купании дочери. В драматическом обмороке резко откинула голову назад с целью помертвения и набила шишку на затылке: оказывается, фанеру, висевшую дотопе у неё за головой, увезла дочь – учиться в новой семье кулинарному делу.

После показа видео с купанием женщина успокоилась.

Преодолевая артрит, плелась по вещевому рынку и во всеуслышание кричала:

– Доча, где продают купальники! Тебе нужен купальник для моржевания!

– Мама, у меня же есть! – говорила дочь.

– Это летний, а нужен зимний! Слышишь – для морже-ва-ния! – кричала тёща, взмахивая и потрясая клюшкой.

Мы часто ездили на озеро вдвоём, иногда ночью.

Как-то Володя хвастал, что купался при тридцатиградусном морозе. Вышел из воды, а вместо ёжика на голове выросла шапка из стекла.

Мы знали: чем холодней погода, тем приятнее лезть в воду. И когда ударило под тридцать, поехали.

На озёрной стоянке туман, ни души. Два километра лесом. В сумраке по льду Казанки движется чёрная лава и постепенно застывает. Это озёрная вода, ползущая верхом от водопада.

Водопад уже слышно. Вот и плетень. Мостик над водопадом. Из-за мороза кое-где прихватило берега кромкой льда.

Под настилом глубина шесть метров. Освещаю фонариком дно. Там бурлит песком мощный ключ. На мгновение показывает – то длинный песчаный язык, то пустые глазницы, то разинутый в хохоте рот.

Это водяной строит мне рожи.

Жена в длинной шубе с капюшоном. Шубу дала тёща – надевать поверх пуховика. Ещё на ней мамины шаровары, напяленные поверх гамашей. Под капюшоном меховая шапка.

Вскоре эта медвежья дородность превращается в тонкий, полупрозрачный силуэт с заколотыми на макушке волосами. Ночью здесь купальники снимают.

Я прыгнул в воду и всколыхнул галактики. Сделал круг, проплыл на спине. Выйдя из воды, топтался, отдирая примерзающие к доскам тапочки.

Диана сошла по ступеням и, оглашая ночь диким криком, окунулась. Окунулась ещё раз, поводила рукой вокруг, светя пеной, и стала подниматься по ступеням.

Никогда не думал, что вот так в полночь выйдет ко мне из зимнего омота мерцающая русалка. Глянет исподлобья чёрными от недавнего ужаса очами и тихо, с признательностью улыбнётся...

Я искупался ещё раз. Это обычная тяга. После первого омовения становится жарко.

Выйдя на помост, встряхнулся, махнул ногой – шлёпка слетела, а ступня мгновенно прилипла ко льду. Её присосало. Казалось, хищнику мало было одного моего следа – следки, края ступни продолжало тянуть – будто хирургической нитью.

Оторвать ногу я не мог даже с мясом, это роговая кожа, замкнутая. Даже детский воздушный шарик порвать на две части невозможно, если он замкнут и не надорван.

Ё-моё, а если б я был тут один?!

– Диана, – сказал я и покрутил коленом.

Она, полуодетая, с шубой в руках подскочила, уставилась на ступню:

– Ой!

– Чай в термосе остался?

Она сходила к лавке, принесла термос и чашку.

Я разлил остатки чая в крышку термоса и в чашку.

– Попьём... Хорошо!.. А теперь набери в термос воду и неси сюда.

Она исполнила.

– Лей на ступню. Во-от...

Ступня легко освободилась, Диана принесла шлёпку.

– Спасибо! Ты мне спасла жизнь.

Мы быстро оделись и поспешили к машине.

Заводская резина на «Жигулях» задубела; шипы, поставленные в автосервисе, повывлетали на асфальте ещё осенью.

И с первого раза на трассу мы подняться не смогли.

Из-под моста через Казанку имелось два подъёма.

Ближний – короткий, в сторону Кадышева, но он был завален снегом. И второй – длинный, подковообразный, выводил как раз в сторону Дербышек. Но там был лёд. Тёмно-зелёный, отшлифованный, вылизанный степным ветром. Причём эта скоба перед самым вылетом на федеральную трассу круто забирала вверх. Задние колёса начинало тут проворачивать, машина по льду сползала назад. Это было опасно. Слева по дуге проходил обрыв.

Жену я высадил и сделал несколько неудачных попыток. Стаж вождения у меня полгода. Может, я делаю что-то не так?

Показалось, что не сильно разгоняюсь.

В очередной раз машина пролетела наверх быстрее. Однако, пробежав две трети пути, забуксовала опять, причём повернулась задком к оврагу. Сейчас поползёт назад! Выруливая, постукивая по тормозам, я глазел назад в приоткрытую дверь. Колесо зацепило кромку обрыва, лебеду, опять кромку, зашло обратно на лёд. И закрутилось вниз по прямой – под мост, к бетонным опорам, где стояла жена.

Выйдя из машины, я опустился на корточки, задним числом осознавая опасность. Через несколько кувырков по обрыву машина могла вспыхнуть, а то и взорваться...

Я вскарабкался на трассу голосовать. Шоссе было мертво. Лишь иногда, присылая издали надежду – долгий невнятный шум и грохот, в конце концов, появлялся из-за горы грузовик с медным светом фар. Проносился с лязгом, с ледяным ветром и уменьшался вдаль, как убегающий жук с жёлтым светящимся носом.

Меня просто не видели.

Да и кто остановит? Лихие девяностые. Столько нападений на дорогах! Парень у сломанного авто голосовал четыре часа, в итоге ампутировали обе ступни.

А холод надвигался. В чёрном небе стоял арктический гул.

Я спустился под мост.

Как же так? Всё так глупо получилось. Я погубил жену?

Она стояла у опоры и, вскинув брови, ушедшие под капюшон, смотрела вопросительно.

До Дербышек на таком холоде она не дойдёт. Понесу на себе, принесу ледышку.

Бензина хватит часа на два-полтора.

– Диана, побегай, заведи машину и грейся.

Она подошла ближе, обхватила мою руку варежками, как птичку, подышала на неё.

– Мы погибнем, да? – подняла глаза.

Она верила мне. Если б сейчас я улыбнулся, сказал: нет, вот только помочусь на лёд!...

Помочиться на лёд?

А ведь это идея!

Я полез наверх, дошёл до тех двух третей пути, где чёрт смазал маслом, веером подымил на лёд и быстро закидал влагу снежным крошевом. Снег быстро примёрз, лёд стал шероховатым.

Спустился к жене.

– В туалет хочешь?

– Нет.

Я молча взял её за руку и потащил на гору...

– Делай пипи. Вот сюда!

– Зачем?

– Надо.

– Я не хочу.

– Милая, надо! Сверху я накидаю снег. Он сразу примёрзнет, лёд станет, как наждачка. Поможет нашим колёсам.

Она стала, кособочась, задирать шубу, села. Я держал её за торчок капюшона, чтобы не опрокинулась.

– Всё, – сказал она, щурясь снизу.

– Всего-то?..

– А где взять?

– Потужься! – крикнул я зло.

Она заплакала.

– Извини! Вставай.

Я опять накидал снег. Получились две колеи. Это было уже кое-что. Какой-то толчок для колёс. Место для тормоза, если потянет назад.

Впереди было метров пятнадцать прочного, вылизанного ветром льда.

Я сходил вниз за монтажкой, она была тупая. Метки на льду не оставляла. Лёд был глух, как броневая сталь.

Думать, думать! Так, снег – это кристалл. На морозе достаточно прочный. Он цепляет и ранит кожу. Он должен цеплять и лёд. А это трение!

Справа был сугроб. Я сгребал снег ладонями и раскидывал по льду веером, ползал на четвереньках, смахивал лишнее. Отставлял лишь тонкий, как шёлк, слой.

Когда шлея была готова, вздохнул, обернулся – в Дербышках света уже не было.

Спустился. Сел за руль. Это был последний шанс...

Я вспомнил всех родных. Всех – давно ушедших. Я их попросил...

Завёл машину, тихо провёл между опор, а затем пустил вверх по дуге, она взлетела, закусила первый рубеж, нашу наждачку, пошла дальше, зацепила ажурный снег, я не дышал, она слушалась, шла ровно, без напряжения, милая, умная... и благодарности не просила, встав на асфальте федеральной трассы, носом в сторону Дербышек. Будто добрый и умный конь!

Как всё просто и быстро.

Я вышел из машины и от неверия стоял, как пьяный.

Как расплывчата грань между фарсом и трагедией...

«Шестёрка» – машина очень тёплая, мягкая, не бьёт на кочках. К тому же у нас был свой дом, баня, где газовая форсунка, шумя, накаляла для нас каменку.

– Если надо будет, я ещё смогу пипи, – льстиво заверила жена, черноглазо поглядывая на меня с заднего сиденья.

19 января 2017 г

ИГОРЬ ТИШИН

Поэт, прозаик, дизайнер. Родился в 1990 году в Чистополе. Живёт в Казани с 2007 года. Автор стихотворного сборника «Дефекты».

СЕЗОН МЕДУЗ

Никлас оставил мотороллер на пустой обочине, у спуска к морю. Тропинка была очень крутая. Он продирался через непролазную чащу, осторожно сползал по каменным глыбам, цеплялся за узловатые корни, торчащие из земли. Внизу разулся, швырнул кроссовки на прибрежный песок и упёрся руками в колени. Пухлое лицо побагровело, со лба градом тёк пот. И без того большой живот при каждом вдохе надувался так, что казалось, будто Никлас – воздушный шар, и он вот-вот взлетит.

Он взмок и ещё не отдышался, но чувствовал себя превосходно. «Это всё пляж, – подумал он. – Не пляж, а картинка с открытки. Прихожу сюда, и сразу легко на душе. Никаких забот». Он зарыл ступни в мягкий белый песок. «Сахарная пудра, разве что не сладкая».

Никлас нашёл это место на третий день отпуска, когда ездил к южному концу острова, в рыбацкую деревушку, поглазеть на морских цыган. Тамошние жители не произвели на него сильного впечатления. Никлас ожидал увидеть диких людей моря, нетронутый цивилизацией край, но его встретили ряды лавок, увешанных жемчугом, ракушками и прочими безделицами, дома со спутниковыми антеннами и металлической кровлей. На каждом крыльце сидели мужчины и женщины. Они курили сигареты и провожали чужестранца пьяными глазами.

На обратной дороге он заметил табличку, прибитую к дереву. Никакой надписи, ничего, кроме стрелки, зовущей в дремучие джунгли. Путь вниз – сплошь камни и кусты – дался бы с трудом даже молодому атлету, а про такого увальня, как Никлас, и говорить нечего. Почти неразличимая тропка тянулась по скалистому склону, петляла среди деревьев, то исчезала, то появлялась снова. Никлас уже подумывал возвратиться назад, но он слишком устал, чтобы карабкаться вверх. Один раз он чуть не упал. Споткнулся о корень и с трудом удержался, чтобы не рухнуть с обрыва.

Наконец заросли расступились, и перед ним простёрлась крохотная бухта, зажатая между карстовых скал. Невдалеке блестело море, изумрудное на отмели и сочно синее у горизонта. Пляж был безлюден. Это потому, решил Никлас, что туристам подавай шезлонги, выпивку, зонты, а тут – голый берег, ни одного ресторанчика, да и спуск неудобный. А ему только это и нужно было: искупнуться подальше от посторонних глаз.

Никлас полюбил приезжать сюда каждое утро. Раздевался, довольный, что никто не смотрит на его тучное тело, и вбегал в воду, чистую, как стекло. Заплывал далеко-далеко и всё ещё видел дно сквозь бирюзовую толщу, и коралловые сады на дне, и нарядных рыбок,

плывущих в танце; он нырнул и был гостем на этом подводном балу, пока хватало воздуха в лёгких.

Вчера Никлас плавал до темноты, и плавал бы весь вечер, но его ужалила медуза. Прошлась щупальцами по животу, как плетью. Жгло сильно, но недолго. Пустяки, в общем, сейчас он и не вспомнил бы. Никлас уже перевёл дух и собирался снимать одежду, но вдруг увидел одну такую же скользкую малютку, как та, вчерашняя. Её выбросило на берег сильной волной, и она лежала на самой кромке воды, бледная и невзрачная, похожая на мятый целлофановый пакет.

Никлас подошёл и наклонился, чтобы лучше её разглядеть. Студенистое тельце ещё не обсохло и едва заметно шевелилось. Рядом валялась вторая, тоже прозрачная. А следом третья, и ещё, и ещё одна. Весь пляж усыпан медузами. Каких только нет: размером с хоккейную шайбу и с расправленный зонтик, коричневая в крапинку и розовато-красная, а вот синяя, таких он в жизни не видел. Никлас шёл по мокрому песку и рассматривал каждую. Странные существа, подумал он. Такие прекрасные и такие бессильные.

Никлас поднял глаза. Прямо над ним высился утёс, поросший глухим лесом. Море облизывало гладкие валуны. В тени казуарин лежало белое полотенце. Никлас опешил. Этот пляж принадлежал ему, вплоть до самой маленькой песчинки. Сюда никто никогда не заглядывал. А сегодня кто-то пришёл и расстелил на песке полотенце.

На нём лежал открытый блокнот и ручка. Никлас огляделся по сторонам в поисках владельца. В море было пусто. Он поднял блокнот, стряхнул с него опавшие хвоинки. Страница исписана ровным красивым почерком, как в тетради по чистописанию. Никлас прочёл несколько строчек. Стихи на английском. Он ничего не смыслил в поэзии, знал из поэтов только Саарикоски и Эйно Лейно, вдобавок плохо владел английским, но всё же не сомневался, что читает стихи. От лица девушки, вроде бы про смерть.

– Ну и как вам?

Она стояла рядом с ним, босая, в мокром голубеньком платье без рукавов. Возникла как из воздуха. Светлые волосы прилипли к лицу, руки покрылись гусиной кожей. С неё стекала вода.

– Извините, – сказал Никлас. – Я не хотел.

Он положил блокнот обратно. Провёл рукой по лысой голове. Девушка показалась ему очень красивой.

– Вы всегда берёте чужие вещи без спроса? – спросила она.

– Нет. Простите.

Никлас отвёл взгляд. Берег был завален медузами. Бедняжки погибали под нещадно палящим солнцем. Никогда он не видел столько медуз. Надо извиниться и уйти, подумал Никлас. За скалой есть ещё один пляж. Правда, хуже этого, на дне много острых камней, и вода мутновата, а тут можно заплывать очень далеко, и всё равно видно рыб.

– Откуда вы родом? – спросила незнакомка.

– Финляндия. А вы?

– Я тоже нездешняя.

Она говорила медленно и небрежно. Австралийка, предположил Никлас. Здесь много австралийцев.

– Ну так что, как вам мои стихи?

– Очень красиво.

– Я много писала, когда была ребёнком. Потом бросила, а теперь снова начала.

– Это хорошо.

– Правда? Я совсем недавно начала. А как вам строчки про волну? Я исчезла, как морская волна, разбитая волнорезом. Неплохо, правда?

– Красивые стихи.

– Наверно, я их перепису. Эти строчки вроде хуже остальных.

Никлас промолчал. Он слабо разбирался в поэзии. Финн стоял, толстый и потный, гладил лысину и вспоминал, как по-английски будет «большое спасибо за разговор, но мне, к сожалению, пора идти, всего вам хорошего». Сегодня этот пляж принадлежал ей. У девушки были дивные белокурые волосы. Они уже высохли. Никлас удивился, как быстро наступил день.

– Впрочем, какая разница, – сказала девушка. – Их уже не напечатают.

– Почему? Вы хорошая. Мне нравятся ваши стихи. Я знаю, их напечатают.

– Нет, не говорите так.

– Их напечатают.

– Неужели вы не понимаете?

– Я не понимаю. Вы хорошая женщина. Я должен идти. Спасибо.

Волны выкидывали на берег новых медуз. Хрустальные тушки таяли на песке под безумным солнцем, и девушка вдруг всхлипнула.

– Их не напечатают, потому что я умерла.

– Извините, у меня плохой английский.

– Бросьте. У вас хороший английский.

– Спасибо. Я понимаю немного, но плохо говорю.

– Я мертва. Умерла месяц назад. Упала вон с той скалы, – девушка показала на карстовый утёс, нависший над морем. – Оттуда открывается чудесный вид.

– Правда?

– Я хотела посмотреть, как море бьётся о камни. Там есть смотровая площадка, а ограждения нет. Я оступилась, и – бряк! – шмякнулась вниз, на эти долбаные камни.

– Это грустно.

– Знаете, что самое забавное? Теперь они хотят поставить там ограждение, чтобы никто не падал.

– Хорошо, – сказал Никлас.

– Нет, смешнее всего, что я даже не хотела быть здесь. То есть хотела, конечно. Я мечтала о путешествиях и подумала, почему бы не стать волонтером.

– Что?

– Волонтером. Моя подруга так делала, и ей понравилось. Она учила детишек английскому в сельской школе, где-то в Индонезии. Может, это была Малайзия, не помню, но точно не здесь. Я не слишком быстро говорю?

– Нет. О'кей.

– В общем, я думала, что справлюсь. Тогда я считала, что в этом моё призвание. Дело жизни. Я приехала сюда, и... Остров чудесен, все эти пляжи, вечеринки, алкоголь в ведёрках, и люди. Особенно люди. Но, вы знаете, я плохо лажу с детьми. И с чего я решила, что это – моё? Мне совсем не нравятся дети.

– Дети странные, – сказал Никлас.

– Не то слово. Но я благодарна им. Благодарна этому месту. Именно здесь я поняла, что хочу быть поэтом. Поняла бы я, чего хочу от жизни, если бы осталась прозябать в Сиднее? Я писала стихи в детстве, а после перестала. Я и забыла, как это здорово. Жаль только, что я так глупо умерла.

– Да, – сказал Никлас.

– Но так тоже сойдёт. Быть призраком, я хотела сказать. Согласны? Тихо, спокойно. Ничего не болит. Не боишься умереть. Единственное плохо: никто не напечатает моих стихов. Я бы хотела издать книгу. Девушка замолчала и взглянула на прозрачные горки, заполонившие береговую линию.

– Вы хороший поэт, – сказал Никлас.

Пора уходить, подумал он. Это её пляж. Она пишет стихи, нельзя её отвлекать. К тому же, море кишит медузами. Надо оставить её одну.

– Что насчёт вас? – спросила девушка. – Кем хотели стать вы?

– Я работаю в большой компании. Менеджер.

– Нет, я о другом. Была у вас какая-то страсть? Что вам по-настоящему нравилось делать? Вы меня не понимаете, да? Как бы вам объяснить. Это не работа. Что владеет вами? Может, плавание? Разведение рыб? Вы любите разводить рыбок? Ну, уж точно не языки учить.

– Дерево, – сказал Никлас. – Я любил дерево, когда был мальчик.

– Дерево?

– Да. Я любил, – он взмахнул руками. – Не помню слова.

– Сажать деревья? Смотреть на деревья? Рубить? Вы похожи на дровосека.

– Нет.

Никлас выставил ладонь вперёд и принялся махать над ней другой рукой.

– Нож. Нож, нож.

Девушка кивнула.

– Я поняла, – сказала она.

– Извините, не знаю, как сказать по-английски.

– Я вас поняла. В детстве вам нравилось столярничать. Всякие столы, табуретки, да? Слушайте, это здорово! Отлично!

Никлас улыбнулся.

– Я видела вас вчера, – сказала девушка. – И до этого. Вы приходите сюда каждый день.

Никлас смутился и покраснел. Вчера он купался без плавок, уверенный, что кроме него и песчаных крабов на пляже никого нет.

– Вас ужалила медуза, – сказала она. – Я слышала, как вы вскрикнули в воде. Это, наверное, очень больно.

Никлас пожал плечами. Ерунда. Сперва жгло, но быстро прошло.

– Покажите ожог.

Он промолчал.

– Вы стесняетесь раздеваться на людях, да? Стыдитесь своего тела? Я видела, у вас великолепное тело. Ну же, пожалуйста, покажите ожог.

Никлас приподнял футболку. Тоненькие отметины, похожие на красные нити, пересекали кожу от левого бока до пупка.

– Ого!

– Боли нет, – сказал Никлас.

– Мерзкие твари, эти медузы, – сказала девушка. – Фу!

– Они красивые.

– Сейчас их тут много. Безвольные бедняги. Они просто повинуются течению. Бесцельно дрейфуют в воде и довольствуются тем, что есть. Как и многие люди, впрочем.

– Вы поэт.

– Вас, наверное, морская оса ужалила, – сказала девушка. – Они приплывают сюда от берегов Австралии. Вот эти, бледно-голубые. В Сиднее я таких много перевидала.

Никласа неодолимо тянуло в сон. Он толком не выспался все эти дни; ложился за полночь и вставал с рассветом. Торопился на пляж.

Девушка тяжело вздохнула и покачала головой.

– Их яд смертелен, – сказала она. – Жаль, что вы так глупо умерли.

– Извините, я не понимаю.

– Вы, конечно, думаете, что я чушь несу, – сказала девушка. – Я тоже не сразу поняла, что мертва. Я разбилась о камни, выплыла и подумала, боже мой, как мне повезло, что я осталась жива! А потом они решили поставить там ограждение, чтобы больше никто не расшибся.

– Мне пора, спасибо за разговор, – сказал Никлас.

– Вы утонули на моих глазах. Не успели добраться до берега. Сердечный приступ, скорее всего. Яд у них очень быстрый.

– До свидания.

– Это тяжело принять, – сказала она. – Но я помогу вам. Оставайтесь со мной.

Весь пляж был усеян медузами. Девушка, не отрываясь, смотрела на толстяка. Никлас уловил в её глазах какую-то болезненную весёлость. Захотел отвести взгляд, но не смог. Она застенчиво хихикнула и стянула

лямку с плеча. Другую тоже. Никлас увидел белую, нетронутую солнцем грудь, и ноги его ослабли. Он шагнул назад. Девушка скинула платье, голубая ткань упала на песок. Никласу стало страшно. Он сделал ещё один шаг назад. Незнакомка рассмеялась и пошла за ним. Он развернулся и со всех ног кинулся прочь.

Тропка была невероятно крутой. Никлас взбирался в гору, хватался за корни и ветки. Пот стекал с него ручьями. Он лез вверх, к широкой трассе, и не оглядывался. Мотороллер стоял на краю дороги. Никлас нахлобучил шлем и помчался на север, в гостиницу. В ушах, заглушая свист ветра, звенел пронзительный девичий смех.

У себя в номере толстяк лёг на кровать. Ему до смерти хотелось спать. Эта девушка ненормальная, подумал он. Её, похоже, мужчина бросил. Нашёл себе девчонку из местных, какую-нибудь массажистку, вот она и спятила. Никлас не был особым знатоком поэзии, но подозревал, что поэты – чувствительные люди.

Ему снилось, что он – медуза. Никлас качался в воде, как беззвучный колокол. Он хотел уплыть далеко-далеко, но море его не пускало. Мощное течение толкало Никласа к берегу, под яростное солнце, и он плыл, куда велела вода, такой бессильный и такой прекрасный.

Никлас проснулся от мучительной боли. Кожа на животе горела. День клонился к закату. Один за другим открывались бары. Официанты подметали полы и расставляли стулья. Надо купить мазь от ожогов, подумал он. Надо узнать, как будет мазь по-английски.

Отпуск кончался. Послезавтра Никлас сядет на самолёт до Хельсинки. Первым делом он пойдёт на строительный рынок, а лучше в столярный цех, и накупит дощечек, липу или осину. Потом навестит родителей и попросит ключи от гаража. В пыльном углу, там, где отец хранит старые журналы и сдутую резиновую лодку, он отыщет ящик со стамесками, лобзиком и резцами и нацепит фартук.

Когда он был маленьким, ему очень нравилась резьба по дереву.

ЭДУАРД УЧАРОВ

Родился в 1978 г. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новая юность», «Нева», «День и Ночь», «Современная Поэзия», «Дети Ра» и др. Победитель Турнира поэтов литературной Универсиады в Казани (2013). Стихи переведены на сербский язык.

КАЗАНЬ – ПИТЕР

Вдруг в 6 утра мы пришли на Кольцо у Пенсионного фонда. Там был автобус, который хотел отвезти нас в Питер. Мы в него сели и поехали. Через 30 часов приехали на проспект Просвещения, где стали жить.

А перед тем, как нас привезти в город на Неве, белый автобус с наклейкой Кубка Федераций по футболу завозил нас в Чебоксары (город падающих берёз) и Нижний Новгород (город живых деревянных улиц и улицы Июльских дней).

Дорога несколько раз рвалась на лоскуты. Однажды перед Лысково встали на два часа. Дорожные эльфы в оранжевых камзолах ругались магическими проклятьями. Били ломами асфальт.

Второй раз встали в Лакинске на час. Дизлайк Лайкинску.

Пока ехали, я насчитал волшебных 137 водиц. Список прилагается.

Волга, Сулица, Прорва, Свяга, Белая Воложка, Средний Аниш, Большой Цивиль, Пожанарка, Рыкша, Шалмас, Кукшум, Трусиха, Юнга, Хартно, Орбашка, Унга, Сура, Белавка, Семьянка, Огневка, Гремячка, Калитка, Сарайки, Валава, Сундовик, Алфёровка, Дудоровка, Шава, Кудьма, Чёрная, Ока, Кругловище, Юра, Ремна, Клязьма, Чаганка, Суворощь, Тара, Нерехта, Арга, ручей Майский, ручей Девка, Ягома, Нерль, Рпень, Колокша, Ворша, Пекша, Большая Липня, Ючмерка, Берёзка, Танка, Вольга, Киржач, Сафониша, Большая Дубна, Шерна, Васса, Шаловка, Пехорка, Чернавка, Ичка, Чермянка, Лихоборка, ручей Ключи, Ржавка, Радомля, Лопца, Сестра, Липня, Ямуга, Дойбица, Инга, Малица, Тверца, Вельга, ручей Горецкий, Логовежь, ручей Паницкий, Крюковец, ручей Турковский, ручей Запорожный, Каменка, Михаленка, Белуха, ручей Пестовский, Головкин, Холохоленка, Березайка, Цна, Студёнка, Жерновка, Едерка, Лапуша, Чернушка, Гремячая, Еглинка, Ярынья, Островенка, Холова, Гречинка, Мошня, Винка, Заполька, Работка, Ниша, Бочка, Крупица, Мста, Мшашка, Шуйка, Вишера, Сосница, Робейка, Волхов, Питьба, Полисть, Кересть, Коломовка, Грядка, Равань, Марьин ручей, Тверезна, Тигода, Болотница, Тосна, Андреев ручей, Канава Галашовка, Саблинка, Ижора, Славянка, Волковка, Обводной канал, Фонтанка, Канал Грибоедова, Мойка, Нева.

УЗНИКИ ПЕТЕРГОФА

Первым делом нас повезли в Петергоф. Там кругом были фонтаны и шутихи, т.н. приколы Петра. Ещё вчера, – говорила нам экскурсовод, – всё крылось мглою и шторм рвал зонты. А теперь под палящими лучами мы шлялись по шахматным каскадам с кучей народа и смотрели на пафосные золочёные скульптуры.

Приколов я не понял. Кругом всё в решётках. В Финском заливе купаться нельзя. В фонтан – нельзя. Был бы жив хозяин – не одобрил бы, мне кажется.

КРОНШТАДТ

Потом нас повезли в Кронштадт в каком-то тоннеле под финским заливом. Мимо фортов. В том числе – чумного. Говорят, в нём разрабатывали вакцину против чумы и посылали конвертики Обаме. Может, я что и напутал.

В кронштадтской воде отражался красный кирпич, а я люблю красный кирпич, поэтому Кронштадт красив.

В крепости много чугуна: чугунный горшок, чугунные памятники, чугунные корабли на пристани, единственная в мире чугунная мостовая, чугунные пушки и чугунные дети возле них. Чугунные чайки. В Кронштадте есть пуп земли и Петровский док.

Я засмотрелся на чугунные корабли и отстал от группы. Автобуса нигде не было. Оказывается, он прятался по другую сторону от памятника Петра. Петров здесь навалом – на каждом шагу. Есть ещё чугунный Айвазовский и огромный морской храм Иоанна Кронштадтского. Он и есть пуп этой земли, а не сомнительный поплавок, указывающий высоту красоты над уровнем моря. Может, я что и напутал.

КАЗАНСКИЙ СОБОР

Мы пошли в метро и вышли на Невском проспекте. Первое, куда отправились – Казанский собор. Там живут ключи от взятых городов Европы и Кутузов.

Колонны. Шла служба. Шли люди. Шёл шёпот. Мы вышли.

ПО КАНАЛАМ

Напротив собора – Книжный дом с надписью Зингер и зелёными человечками. Внутри – мраморные ступени и хрупкие книги. Орудие нашего пролетарского труда.

Потом, чуть дальше на Невском, нас отловили как желтоклювых цыплят и заточили в катерную гондолу по имени Углич.

Мы поплыли по всяким мойкам и фонтанкам с пыжиками и под многочисленными мостами.

Снесло голову. Мосты невысокие. Жестяная Нева обдирает горло восторга. Шпили. Дома.

Трубы. Дом на доме стоит и домом погоняет.

Весь Питер – один сплошной дом без трещин и загогулин, а внутри – каменные колодцы дворов. Упадёшь туда – никто не достанет. Только пару звёзд зачерпнуть ночью глазами и завывать ошалело. Вот тебе и Северная Венеция. Фонарь и аптека. Туман и палящие лучи. Высадились и пошли по Невскому дальше...

АДМИРАЛТЕЙСТВО И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Пошли на шпиль.

Я сам догадался, что это адмиралтейская игла, но уточнил у прохожего. Он подтвердил. Я успокоился. Посидели у шпиля на скамейке и отправились направо. Огромная площадь. Посредине что-то воткнуто. Но перехода туда нет. Он чуть дальше, налево, перед рекой Невой. Перешли, но возвращаться пока не стали. Пошли по мосту через реку. Наткнулись на красный столб в кораблях и с бабой. Оказалось, что это стрелка Васильевского острова. Биржевой сквер и всё такое. Перешли к Бирже, но по Университетской набережной к следующему мосту (Благовещенскому) не пошли из-за протестов соседнего пешехода: у страха – мосты далеки!..

Развернулись и наткнулись на слегка башенное здание. Кто ж знал, что это Кунсткамера. Очередь туда на весь перекрёсток и ещё в Неву люди упираются.

Пошли по Дворцовому мосту обратно. Гадали: разводится он или нет? По идее, должен. Но ведь асфальт на нём и клумбы. Они же упадут!.. По Адмиралтейской набережной пришли к Зелёному всаднику на Сенатскую площадь. Зело хвостат Зелёный всадник, поди зело вежлив?.. Потом через Александровский парк увидели футляр Исаакия. По нему ползали людишки. Мы подле собора посидели и двинулись по Адмиралтейскому проспекту к тому большому чему-то воткнутому. Круг замкнулся...

Опять вышли на огромную площадь. Что-то воткнутое оказалось Александровской колонной. Это александровский столп или нет, в конце концов?!

Взгляды всё время привлекало шикарное зелёное здание по левую руку. Я надеялся, что это Зимний, но уверенности не было. Остановили ленинградку с дитём. Спросили, Зимний ли это??? Она всё отрицала и показывала куда-то далеко рукой.

Разочаровавшись, мы миновали Главный штаб и прошли Триумфальную арку. По Большой Морской выплыли на Невский и дошли до канала Грибоедова. Повернули на Спас на Крови. Туристов – спасу никакого нет.

На Итальянском мосту подбежал Пётр I и попросил сфотографироваться с ним за деньги. Я отказал. Тогда он стрельнул у меня сигаретку. Я достал красную пачку «Кресты» с колючей проволокой.

Подошла рядом стоящая Екатерина II или Елизавета: «О, прикольные сигареты, а вы откуда?» Я говорю – из Казани. «О, чо, прикольные сигареты в Казани делают!» – и тоже стрельнула у меня сигаретку и отошла...

В Спас на Крови, оказывается, нужно ходить за деньги и отстоять большую очередь. Мы не пошли. Чего туда ходить? Он такой же игрушечный, как собор Василия Блаженного в Москве. Расписные купола и всё такое...

Мы полюбовались оградой Михайловского сада и вошли в него. Там живёт памятник живой природы: Дуб черешчатый. Очень увесистый. Вернулись на Невский. Прошли мимо Литературного кафе. Захотелось на работу.

Подавил желание усилием воли.

Зашли в католический храм. Посидели на лавке. Единственное место на Невском, где можно посидеть спокойно в тени и прохладе.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Всплыли из метро на Чёрной речке. Что-то я уже слышал о ней, но пока ничего путного вспомнить не мог.

Ничего чёрного не было. Буйство ухоженной зелени вдоль берега и симпатичная вода, даже почти и не текущая...

Мы перешли ж/д пути и подошли к небольшому жизнерадостному скверу с каменной стелой. На ней указывалось, что это место дуэли Пушкина А.С.

Вот тебе и раз.

Всё так хорошо было и солнечно, а тут тебе убийство поэта...

А дальше нас провели на крышу многоэтажного жилого комплекса Ривер-Сайд. Малая Невка, Большая Невка, почти весь город виден: футляр Исаакия, Петропавловский ангел, Владимирская церковь, демоническая Зенит-арена. Под ногами мост и дом Головина – крутого кругосветного моряка.

Крыши Питера шепчутся с богами, чего уж там...

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

В Петропавловскую крепость мы прошли через Иоанновский мост. В воде нас встречал заяц. Видимо, не случайно. Остров-то заячий. Зайцев здесь полно на каждом шагу в самых разных ракурсах. Видимо, зайцы и были первыми политзаключёнными сего фортификационного сооружения.

Крепость основал Пётр I. С этого здания и пошёл строиться весь остальной город, как нам сообщили. Логично предположить, что и город на Неве рождён Петром I.

В крепости есть Петропавловский собор, Монетный двор, музей пыток, пляж, на котором нельзя купаться, стены с башенками, отметки

некоторых наводнений, автобусы, переделанные под туалеты, длинный железный дяденька с очень маленькой головой и пушки.

Ровно в 12.00. мы ждали полуденный залп. Из пушки выстрелила очень красивая блондинка в форме. А команду ей дал седой дедушка, но тоже в форме.

После этого мы покинули Заячий остров.

На Троицкой площади сели в автобус и через Сампсониевский и Литейный мосты выехали на набережную Кутузова, а затем уже и на Дворцовую набережную.

ЭТАЖИ ЭРМИТАЖА

Моё интуитивное опознание красивого зелёного здания как Зимнего дворца – подтвердилось. Коренная ленинградка с дитём, пытавшаяся сбить нас с пути днём ранее – потерпела фиаско.

Но кто мог предполагать, что Зимний дворец – это ещё и Эрмитаж!? По-моему, для одного, даже такого интересного здания, это уже слишком...

Так вот, заходили мы в Зимний дворец, а там ещё и картины висят. А где-то и скульптуры. Очень странно. Почти все изображения мне ещё по советским учебникам известны. Зачем их на такую красоту вешать? И скамеек нет посидеть.

Только у Рубенса присел – но на что смотреть? Всё наизусть знаю.

А вот потолочные плафоны – круть в любом зале!

Сам дворец впечатлил. А то, что понавешано – так себе, увы...

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ МОЦИОН

Пошли обедать на ул. Казанскую, через Певчий мост, дворы Капеллы, Большую Конюшенную. Весьма отобедав – разбрелись кто куда. Мы свернули на Гороховую.

Гороховая идёт лучом от шпиля Адмиралтейства, как и Невский, как и Вознесенский проспект. Захочешь – не заблудишься.

С Гороховой свернули на Большую Морскую и присели на скамейку на Исаакиевской площади напротив Англетеера. Погрустили за Есенина.

На соседнюю скамейку приземлился большой питерский голубь. Вёл себя вполне интеллигентно.

Снова прогулялись мимо Адмиралтейства. Поздоровались с Гераклом, Пржевальским, Гоголем, Горчаковым, Глинкой, Лермонтовым, Жуковским, Флорой. Ещё раз мимо Зимнего и Александрийского штыря. Погуляли по Миллионной: Малый Эрмитаж, Новый Эрмитаж с дедушками атлантами, Зимняя канавка и пр.

Было время разворачиваться и нырять на Малой Морской в метро.

И немедленно нырнули...

ЛЕТНИЙ САД

Утром следующего дня нас привезли на Марсово поле. Невдалеке сверкали кукольные купола Спаса на Крови. Через Суворовскую площадь и Лебяжий мост мы вошли за невскую ограду в Летний сад. В лучах фонтанов высился Крылов, весь в баснях. А вдоль дорожек голые тётеньки и дяденьки олицетворяли разные скульптуры. Они неожиданно белели из зелени и хорошо обращали на себя внимание. Потом, мимо Аничкова моста с разнообразными конями и Аничкова дворца с садом, нас повезли в Царское Село.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Мы приехали на Оранжерейную улицу, обошли Лицей, памятник Растрелли, Знаменскую церковь и увидели слегка приоткрытую калитку в некий парк. Ну, в Калитку же – как к себе домой...

Проникли в парк. Обошли, как оказалось впоследствии, Кухонный пруд. По мраморным мосткам преодолели ещё несколько водных локаций и уселись под дубом на скамейке трескать пельмени из пластмассовой майонезной баночки. Откушав, обратным маршрутом вышли из калитки на волю и отправились в Лицейский сад смотреть на цветы и Пушкина.

Потом нас загнали в Екатерининский дворец. Одели в наушники и бахилы и повели по залам дворца, чтобы мы посмотрели, что там повешено на стенах и вообще... Зал сменялся коридором и наоборот. Хрустальное и золотое великолепие окатывало восхищённых туристов с ног до головы. Кульминация восторгов – янтарная комната, воссозданная заново. Я даже не захотел уходить из комнаты, но меня настоятельно вывели. Изгнали нас из дворца в Екатерининский парк.

Мы сразу же поздоровались с: Миром, Вакхом, Войной, Весной, Церерой, Бореем, Геркулесом, Мудростью, попирающей порок, Патриотизмом, Умиравшим галлом, Гладиатором и Гераклом. Пошёл дождь и китайцы. Неизвестно чего больше, если брать за одну каплю одного китайца.

Мы прошли Камеронову галерею, Агатовые комнаты и многочисленные бани, и решили обойти Большой пруд. По пути обнялись с: Нимфой, Зефиром, Танцовщицей, Кагульским обелиском, А.Д. Ланской, Римским оратором, Силеном с младенцем Дионисом, Аполлоном Бельведерским, Венерой и Амуром, императором Нерва, Осколком барельефа, фонтаном Девушка с кувшином, Мраморным мостом, Пирамидой, Турецкой баней, Морейской колонной и вышли через Эрмитажную кухню из парка вон...

Пока другие обедали в Пушкине, мы ещё успели добежать до Соборной площади и войти в Екатерининский собор.

Вошли, увидели, и уехали в Казань...

АДЕЛЬ ХАИРОВ

Адель Регович Хаиров родился в Казани в 1963 году. Закончил филфак КГУ. Печатался в «Казанском альманахе», в журналах «Казань», «Идель», «День и ночь», «Дружба народов», «Новая Юность», «Октябрь». Лауреат премии «Русский Гулливер – 2015».

КАЛЕНДАРЬ ДАРЬЯЛОВА

На стене вдруг встали с таким трудом заводимые – не дай бог сдвинуть на миллиметр – старинные французские часы. Дарьялов вздрогнул. Ему показалось, что это сердце остановилось. Он даже помассировал грудь и прилёг на диван. Свежий после ливня ветерок нежно накатило волной на лицо. Вспоминалась Абхазия. К тому же за окном шины шуршали как волны по гальке.

В сумерках большого кресла вдруг кто-то пискнул. Из-под клетчатого пледа высунулся белый клюв. Уйдут после смерти из человека волшебные токи и погаснут в нём лампочки. Чужим он предстанет родне в гробу и только по носу его признают! Когда-то этот нос был носиком, и Дарьялов его согревал губами в Фуксовском саду. Часы вздрогнули и снова пошли...

Дарьялов вдруг на несколько секунд забыл, как зовут птицу, которая клюёт его всю жизнь. Ранки мелкие, но саднят. Вспомнил – Инна! Зашаркал на балкон в свой летний кабинет, заваленный журналами и книгами. Если ими пошелестеть, то можно отыскать заначки: приплюснутые сигареты, сотенные бумажки, плоские цветы, сохраняющие сферические летние образы с трескотнёй кузнечиков внутри. Здесь же, прицепленный к бельевой верёвке, сох от пролитого кофе читаный-перечитанный Камю. Иногда огрызком карандаша, но чаще ногтем, Дарьялов помечал понравившиеся места: *«Она носила целомудренные платья, но тело её пылало»* и т.д.

Дарьялов распахнул створки балкона и втянул ноздрями в маленькую грудную клетку весь этот вечерний влажный воздух, в котором шипели остывающие угли самоварного солнца. Вспомнил вчерашнее своё ощущение, когда он перенёс глаза с распахнутой книги на шумливые листья берёзы и продолжал читать её как природный фолиант от кончиков обвисших кистей до самой макушки, бултыхающей небо. Всё слилось воедино. Переплелось, сцепилось миллионами стежков, и Дарьялов был крепко вписан в этот пейзаж!

Костяшки клавиатуры защёлкали, буквы начали послушно выстраиваться, заполняя аквариум экрана, но потом быстренько самоуничтожились. И так несколько раз подряд аквариум заполнялся и опорожнялся. Мозг в эти минуты как бы засыпал, а пальцы самостоятельно играли свою музыку на пианино компьютера. И ведь что-то от этих бессмысленных манипуляций вдруг рождалось на свет. Необъяснимо!

В первые минуты Дарьялов блаженствовал. Громко прихлёбывал остывший чай, отчаянно бултыхал ложечкой. Такое повторялось сотни раз, и, увы, он знал, чем всё это закончится. Через час ликований с обязательным откупориванием коньяка к нему приходило глубочайшее разочарование. Он бежал в ванную и вставал под контрастный душ. Бил себя по щекам, отфыркивался, но неизменно наступал отлив. Море уходило, оставляя пустые ракушки и трупы рыб. пляж, где резвились Музы, превращался в грязь с мёртвыми медузами.

Лицо Дарьялова медленно вытягивалось рюмкой, он начинал свистеть, пускать слюни. После чего следовала отупелая пьянка. В результате Дарьялов признавал новый рассказ графоманским без смягчающих обстоятельств и пытался избавиться от своего пышного псевдонима. Может, просто подписываться своей родной – Набиуллин или же взять девичью фамилию птицы – Фрумкина?!

Он, обессиленный, задремал. Птица взяла с полки календарь. Ухватила пальчиками очень осторожно. Она вообще всё брала осторожно и медленно. Глаза у неё ничего не выражали, зато ноздри могли многое. Они были говорящими! Презирали, удивлялись, симпатизировали. Сейчас они мелко дрожали, как бы готовились к прыжку.

Наступала осень, и календарь был весь испещрён кружками, квадратиками, треугольниками, цифрами и разными буквами. Он напоминал ребус или даже письмо исчезнувшего народа. И птица почувствовала себя лингвистом Юрием Кнорозовым, который споткнулся о кусок плиты с иероглифами майя. В глубине её ноздрей вспыхнул интерес!

Пока Дарьялов пьянствовал, птица вновь обрела имя и даже порозовела. Смысл жизни вернулся к Инне! Она должна была разгадать эти таинственные знаки на календаре во что бы то ни стало. Многочисленные «Л» и «В» раскусила легко. Зимой – «Лыжи», летом – «Велосипед». Дарьялов рассекал на них парковый ландшафт, а придя взмокший и довольный, фиксировал фломастером день. Перевернутая рюмка означала «стоп, машина!», иногда она сопровождалась восклицанием – «12 дней», «30 дней и ночей». Если же рюмашка стояла закрашенной, то есть полной, тогда на неделю, а то и две, писатель как бы отсутствовал, и календарик оставался чистым. Тишина!

Но потом вездесущий нос птицы слегка погнулся о первое серьёзное препятствие. Долго она ломала голову над буквой «Р», которая приобняла 12 июня. Помог дарьяловский дневник. В нём она разыскала эту дату и заглянула в скрытную жизнь мужа. Там стояло слово «Разочарование» и поздняя приписка другой пастой – «Выпила бутылку кагора и сблевала на книгу. Дурак, ещё подписывал!»

Дарьялов преподавал в институте культуры неподалёку от дома. Вёл сценарные курсы. Птица, найдя ключик к разгадке календаря, вошла в азарт. Дневники были, пожалуй, даже интереснее его романов: *«Жара. Автобус, как печка. Девушка в коротком синем колокольчике положила баллон с холодной водой себе на колени, и вода с пузырьками бултыхалась, освещая озорными зайчиками сумерки её междуножья».*

Потом «междуножье» было зачёркнуто и поверх вписано «глубин», но Дарьялову и это слово не понравилось.

Август был весь в зелёных и синих квадратиках. Они чередовались, помеченные сверху буквами «V» и «Z». Инна вспомнила, что Дарьялов в эти дни ходил подозрительно весёлым. Возвращался поздно, весь какой-то взъерошенный с вишнёвыми губами. В разглаженном клочке спасённого ею из мусорки рассказа (была написана всего одна страничка) она, шевеля клювом, разобрала: *«Эдгар был влюблён сразу в обеих. Валентина, невзирая на своё имя, была смуглой. Зарема, наоборот, светленькой, молочной. Встречаясь с ними поочерёдно, он уводил их в глубь запущенного парка на одно и то же место, где жила белочка. Когда стреляла резинка трусов, и над краешком вылезшей плоти принимался зудеть комар, наглая белочка забиралась Эдгару на плечо и оттуда смотрела это пошлое кино».*

Дарьялов выписывал в дневник, как и все писатели, разные цитаты, интересные опечатки (например, «Цоконье копыт» или «Ожирелье»), или понравившиеся фразы («Пустые стаканы подъездов» и т. д.), или же какие-то обрывки чужой прозы. Из рассказа Валерия Попова он оставил себе:

«В другие дни ездил на велосипеде за продуктами, умоляя жену не гоняться за мной, дать хоть немного свободы. Но когда она встречалась мне, бегущая по шоссе, нервно прихрамывающая, с растрёпанными седыми патлами, я не хотел, как прежде, в ярости переехать её велосипедом, а мирно останавливался и говорил что-нибудь вроде: «Ну, не ходи ты так часто на дорогу!» – «В старомодном ветхом шушуне?» – виновато улыбаясь, говорила она».

17 июня было подчёркнуто дважды – рядом мелкими буквами написано «Жертвоприношение», чуть вкось – «См. рассказ Мамутова, журнал «Ночные огни». И комментарий Дарьялова – «те же мысли!» Инна залезла в интернет, отыскала тот самый рассказ Мамутова, и почти сразу нашла «эти мысли»:

«Ночью проснулся. Долго смотрел на неё. Захотелось пойти на кухню, схватить нож и не глядя бить, бить, бить... Перья облепили бы её искромсанное тело. Очень похоже на то, как в деревне потрошат курицу».

Она ощутила, как лезвие рывками входит в её сонное тело. Гнётся о кость, выбивает фонтанчики крови. В её ушах заскрежетал нож, он хрустел, захлёбываясь в мясе, и это было самым противным.

Дарьялов сидел, насупившись перед монитором. Инна смотрела на липкую шею мужа, которую когда-то обхватывала дрожащими пальцами, когда он поедал её молодым львом, держа на весу в комарином парке. И тогда шея тоже была мокрая. Но было это в другой жизни. Две шеи одного и того же мужчины. Или одна шея двух разных мужчин?

Птица запуталась в мохнатом плеле, как в силках, и заснула. Дарьялов тоже посидел-посидел немного, тупо глядя в компьютер, сказал «чудесно!» и повалился на диван. Ему приснилось, как он идёт на кухню, берёт хлебный нож и возвращается в спальню. Нож с зубчиками, а шея белая, в ней перекачивается то ли слюна, то ли крик.

Они вскочили одновременно. Он внимательно осмотрел свои руки, она потёрла шею.

Инна тихо проследовала на кухню и там отпила из початой бутылки мужа коньяк. Два маленьких глотка согрели её ноги, упав солнечными зайчиками в пятки. Птица осмелела. Укладываясь спать, увидела, как муж заключает 21 августа в траурную рамку. А 21-е уже было сегодня!

Она слетала на кухню за ножом, крепко сжала рукоять в кулачке и накрылась пледом. Нож был в апельсине, и этот запах немного успокаивал. Она прокручивала в голове, как надо действовать в случае опасности: полоснуть по лицу лезвием наотмашь (так она видела в сериале) или же лучше ткнуть прямо в глаз (так она читала у Марининой)?

Дарьялов сгрёб свою большую рукопись и этот шуршащий ком отнёс на кухню. Запахнул ногой в ведро. До этого был ещё один вариант, он его уничтожал постепенно в течение года. Напишет и порвёт. Напишет и порвёт. После уничтожения романа ощутил себя Царь-пушкой. Так и не выстрелил!

Писатель, в поисках красного «офицерского» карандаша, открывал один за другим ящички стола, как вдруг ему навстречу выкатился целый арсенал холодного оружия: резак краснодеревщика, канцелярский ножик, хирургический скальпель, сувенирный кинжал из Алжира, ещё один декоративный в виде турецкой сабли из красного дерева, небольшая, но безупречно лаконичная финка, которую он приобрёл в Хельсинки, куда ездил с делегацией. Финка так и просилась в тело, как в ножны! Казалось, только направь её, укажи цель, и она сама скользнёт в складку плоти...

Дарьялов взял финку в ладонь, примерил. Подумал, что нож, как и собака, был первым приручён человеком. Но слово «одомашненный» сюда не подходит. Всё-таки это не овца! Это уж, скорее, некий договор...

Писатель хотел было записать эту мысль, но птица вдруг заелозила во сне и заплакала. Нахмурившись, он обернулся и в сумерках глубокого кресла увидел совсем молодую Инну, которая так утомилась на лыжной прогулке, что, не дождавшись, когда он погрееет фаршированный перец (они их называли фонариками с мясом), заснула с шерстяным носком на одной ноге. Он залюбовался ею. Прошептал «о, сволочь, родимая сволочь!» тихонечко подкрался, чтобы поправить плед, а заодно заглянуть в свою молодость, когда они поехали дикарями в Абхазию. В самом конце отпуска он приревновал её к шашлычнику Арсену. Она стояла на пирсе и фыркала.

Удивительно, но этот самый кусочек из прошлого приснился в тот момент и Инне. Вот Дарьялов уходит от неё по пляжу. Горы шевелятся, как заросшие плечи Арсена в дымке шашлычной. Она кричит мужу, даже швыряет в него галькой, но он, обиженный, уходит всё дальше и дальше, пока, наконец, не превращается в своей белой рубашке в одинокий парус.

И тут её накрыла тяжёлая туча, из которой высунулось небритое лицо, пахнущее водкой и жареным мясом. Руки, как пружины, разогнулись, чтобы оттолкнуть тучу. Но та начала хрипеть пузырями и грузно опадать. На Инну закапало что-то липкое. Стальная рукоятка торчала молнией из горла тучи. Она в ужасе отпрянула, и тогда Арсен сорвал с неё плед и

накрылся им с головой. На пледе зашевелились бежевые листья в чернильных лужах. Шашлычник громко застонал, но почему-то голосом её мужа! Инна осторожно потянула плед на себя, и перед ней появилось бледное лицо Дарьялова. Он надувал кровавые пузыри. В лысом кулаке писателя хитрым зверьком блестела финка...

Потом появились люди в форме. Что-то спрашивали, что-то записывали, щёлкали фотоаппаратом. Инна, не обращая на них внимания, придвинулась к монитору, налила в кремовую чашку мужа кофе и, обжигаясь, принялась читать последнее, что написал Дарьялов:

«Подглядываю за девушкой, ожидающей на пустой платформе электричку. Похоже, опоздала. Смотрит вдаль «а вдруг», и ветер от невидимого состава отбрасывает ей волосы. На ней юбочка, которая пенкой взбивается над коленками. Смуглые длинные ноги, уже позабывшие плен чулок. Я карабкаюсь по ним вверх, как старая обезьяна, и девушка вдруг становится деревом с гладкой кожей, которая нагрелась на солнце. Электричка превращается в ветер, девушка в дерево, я – в обезьяну. Так и лучшее из написанного мной станет частью природы: летним вечером, забрызганным колокольчиками, одичавшим огурцом, взбежавшим по жердочке к скворечнику, речным камушком в её босоножке...».

Инна достала с антресоли три чёрных пакета, куда на протяжении года аккуратно собирала всё, что выбрасывал Дарьялов: реже скомканные страницы, чаще клочки. Свои вещи, из-за слабого зрения, он распечатывал. Брал рукописи на холм у станции «Новаторов», это было его любимым местом. Холм был узкий, как горб дромадера с пучками рыжей травы вдоль тропинки. Дарьялов сидел на своём верблюде, попивая холодное пиво, неспешно вносил правки. Когда ему что-то не нравилось, он не психовал. Давал себе остынуть, чтобы взглянуть на вещь отстранённым глазом. Аутодафе совершал по ночам на кухне. Раньше поджигал в вазе для фруктов, но после того, как вспыхнул тюль, начал кромсать рукопись ножницами. Птица появлялась на кухне под утро, когда обессиленный Дарьялов уже спал, вздрагивая во сне. Она вынимала бумажный ворох из помойного ведра и прятала в пакет.

Теперь Инна почувствовала себя реставратором древней рукописи. Она ещё не знала в точности, что это? Цикл рассказов, повесть или роман? Оказался, роман, это стало понятным уже в начале пути. Все фрагменты, как пазлы, были разложены на полу хрущёвки, включая балкон, столы и подоконник. Птица прыгала, как цапля, на одной ноге с тубиком клея в руках. Найдя какой-нибудь обрывочек на кухне, она скакала обратно на балкон, где лежал другой отрывок, и прикладывала друг к другу края разрывов. Если «братья» оказывались родными, начинались поиски их «папочки» или «мамочки», так называла вслух эти бумажки Инна. Восстановленные листочки она складировала на засаленном диване. Через месяц выросла стопка, но это было только начало. Теперь ей предстояло

восстанавливать забелённые или зачёркнутые места, разгадывать ребус сокр. и допл.

Прошёл целый год кропотливой работы. Птица, ползая среди этих листочков, превратилась в ящерицу. Результат – 380 стр. эротического романа. Последнего!

Издатель Аркадий Трескун, давний ценитель Дарьялова, развязал тесёмки и долго с любовью смотрел на титульную страницу. «Томные аллеи» – так была озаглавлена вещь. С претензией, однако! Издатель, узнав о нелепой смерти писателя, первым примчался к вдове и после соболезнований, хотя как-то странно их было приносить самой убийце, пусть и невольной, которая оборонялась от пьяного и обезумевшего Дарьялова, стал умолять отдать ему за хорошенький гонорар его последнюю вещь. Покойный и сам распускал слухи, что пишет что-то скабрёзное. Она пообещала подготовить рукопись мужа к публикации...

И вот теперь эта вещь лежала у него на отполированном грабе роскошного стола в его кабинете на улице Капустной. Издатель раскурил трубку, позволил себе чуть-чуть бренди и начал погружение на самое дно романа. Три страницы проглотил махом, не жуя, но после почувствовал пресноватый вкус скуки. До 23 стр. он ещё не терял надежды, прячась в дымок, но потом как-то резко всё понял. Пошлые, нет, даже пошловатенькие похождения старого козла. Трубка погасла.

Глаза всё ещё не хотели верить и пытались нырнуть то в середину произведения, то в конец. Но ему, как искущённому читателю, всё уже было понятно и так. Кикс! – наконец произнёс он, как заядлый бильярдист, у которого подушечки пальцев по вечерам бывали всегда в мелу. Издатель поморщился и принялся усердно выколачивать свою трубку о граб, как он всегда делал, когда выяснялось, что его надули. Со стороны могло показаться, что он вколачивает молотком гвозди в крышку гроба.

Уже перелистнув последнюю страницу и собираясь завязать тесёмки, он увидел внутри сложенный календарь за позапрошлый год, испещрённый пометками, разрисованный разными геометрическими фигурами. Его внимание привлекла буква «А», которая аркой встала над 27 января – днём рождения самого Аркадия Трескуна. «Ну, и что бы это значило?» – почесал он переносицу мундштуком трубки и тут увидел тонюсенькую кривую стрелочку, уводящую в сторону. В уголке мелким, но чётким почерком было написано: «Зачем, Аркаша, ты пошёл в издателя? Тебе ведь без разницы, чем торговать: мороженой треской или книгами, а ещё трубку курит!»

Инна, закутавшись в новый плед с одуванчиками, сидела в кресле. Прикрыв глаза, она ждала звонка от Издателя. И вдруг ей приснился всего на несколько секунд Дарьялов в своей любимой летней рубашке с маками на жёлтом поле. Значит, в Раю! Он успел только выпалить короткое «Дура!» и испарился, оставив её в совершеннейшем недоумении.

РАФАЭЛЬ ХАЛИЛУЛЛОВ

Родился в Казани в семье известного художника Исмагила Халилуллова. После окончания средней школы работал на заводе, служил в армии на Дальнем Востоке. Закончил исторический факультет Казанского педагогического университета. Работал научным сотрудником Госмузея РТ. С 1981 года – корреспондент, главный редактор газеты «Трибуна строителя». В 1986 году был приглашён на работу в журнал «Чаян». Корреспондент, заведующий отделом, заместитель главного редактора, главный редактор журнала. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

История эта произошла много лет назад. Ещё во времена «бурных аплодисментов, переходящих в овации». Алсу (назовем её так) была звездой местного телевидения. Это сейчас на экране мелькают все, кому не лень – с дефектами речи, внешности и ума. Была бы смазливая мордашка и богатый покровитель! А тогда у бойца идеологического фронта с голубого экрана всё должно было быть прекрасно – и анкета, и внешность, и одежда, и дикция.

Алсу идеально соответствовала всем этим требованиям. У молодой красавицы было не типичное для татарки лицо. Скорее, оно должно было бы принадлежать французской аристократке, чем горожанке в первом поколении. Но этнический тип татар настолько универсален, что в наших аулах можно встретить и «потомков Чингисхана» и «белокурых бестий».

Не скрою, в те годы я, начинающий журналист, был влюблён в Алсу. Так любят звёздных киноактрис, певиц и спортсменок без надежды на взаимность. Конечно, я понимал всю нелепость ситуации и презирал себя за слабость, но ничего поделать не мог. Каждый вечер «в час назначенный», бросив все дела, я мчался к телевизору и жадно впивался глазами в экран. Моя возлюбленная вела программу местных теленовостей, и я трепетно внимал её рассказам о рекордных надоях, трудовых вахтах и местных партийных вождах, которые клялись на своих пленумах жизнь отдать за трудовой народ, что, впрочем, не помешало им вскоре обогнать его до нитки.

Я ничего не знал о предмете моих воздыханий: замужем ли она, где и с кем живёт, какое у неё образование, чем увлечена ... Да, впрочем, это было и не нужно. Я прекрасно понимал – у меня нет никаких шансов заинтересовать любимицу всей Казани. Как герой Куприна, я уже был счастлив тем, что тайно любил теле-красавицу и, в отличие от несчастного господина Желткова, даже имел счастье каждый вечер наблюдать её в такой близости, о которой он даже и не мечтал.

Говорят, что любому человеку, даже самому невезучему, судьба подбрасывает счастливый билет. Другое дело, хватит ли у него ума и

характера воспользоваться этим шансом. Однажды такой подарок судьбы выпал и мне...

В редакции своей газеты я получил задание.

– Возьмёшь интервью у торгового начальника, – приказал редактор. – Завтра в шесть вечера он ждёт тебя. Да смотри, с вопросами аккуратней...

Последняя просьба была неслучайной. Времена были перестроечные, и возбуждённая «Огоньком» и «Московскими новостями» публика живо интересовалась теневыми делами торгового ведомства. Материал надо было построить так, чтобы и модная гласность присутствовала, и уважаемых торговых работников, у которых по праздникам отоваривалась редакция, ненароком не обидеть.

Ровно в шесть я переступил порог кабинета. Меня встретил подтянутый мужчина предпенсионного возраста с ухоженным лицом, голливудским подбородком и благородной сединой. За крепким рукопожатием последовал оценивающий взгляд. Мне показалось, что я уже где-то видел выражение этих глаз...

– Махмуд Махмудович, – представился он. Лёгкий татарский акцент выдавал выходца из сельской глубинки.

«Аульская аристократия», – подумал я, включая диктофон...

Но хозяин кабинета приятно удивил меня. Он оказался на редкость умным и интересным собеседником. Свободно оперируя цифрами и фактами, он не стеснялся в оценках, давая объективную картину сложившейся ситуации. Живо и даже иронично обрисовав безрадостные перспективы государственной торговли, он лихо заявил, что без возрождения частной инициативы нас ждёт тупик. «Ого! – подумал я. – Смелый дядечка...» и затеял с ним небольшую дискуссию о социальной справедливости, пустых прилавках и талонной системе...

Общением со мной Махмуд Махмудович, казалось, был доволен.

– А не употребить ли нам, молодой человек, по рюмочке коньячку, – неожиданно предложил он в конце разговора. – Так сказать, за знакомство... Да и рабочий день закончился...

Я не отказался. На журнальном столике мгновенно возникла пузатая бутылка с заморской этикеткой, а секретарша неслышно внесла тарелку с чем-то мелко нарезанным.

После первой рюмки Махмуд Махмудович, расслабив узел галстука, принялся расспрашивать: кто я, откуда, где учился, женат ли... После второй – поинтересовался моими родителями. После третьей – ненавязчиво выяснил, какова моя зарплата и перспективы карьерного роста. Получилось какое-то интервью наоборот.

– А почему это вас так интересует? – спросил я после очередного глотка благородного напитка.

Мой собеседник затянулся сигаретой и, уставившись до боли знакомым взглядом, сказал:

– Буду откровенен. Вы мне понравились...

– В каком смысле? – подозрительно спросил я.

– Успокойтесь, не в том, о котором вы подумали ... – засмеялся Махмуд Махмудович. И уже серьёзно продолжил. – Вы неглупый молодой человек и всё поймёте правильно. Так вот, у меня есть дочь. Интересная, образованная девушка... Она не замужем ... Вокруг неё крутятся разные ... Но ненадёжно всё это... Я бы хотел, чтобы у неё был такой муж... как вы!

От неожиданности я поперхнулся коньяком.

– Но вы меня совсем не знаете... – пролепетал я откашлявшись.

– Я редко ошибаюсь в людях – работа такая, – усмехнулся он. – Вы то, что нам нужно!

– «Нам», но не вашей дочери!... Я ведь даже не знаком с ней! Да и как она посмотрит на всё это?

– Она любит меня и уважает отцовское мнение ... В конце концов, познакомитесь... Привыкните... Я всё устрою!

– Извините, но это домострой какой-то...

– Неужели вы наивно думаете, что браки заключаются на небесах? – улыбнулся Махмуд Махмудович. – Поверьте, это ваш шанс!

– Спасибо, конечно за высокое доверие, но ... В общем, я люблю другую... – выложил я свой последний аргумент.

– Это в корне меняет дело, – устало сказал Махмуд Махмудович, мгновенно потеряв ко мне всякий интерес. – Жаль, очень жаль... Надеюсь, наш разговор останется между нами...

«Мог бы не предупреждать, всё равно никто не поверит...» – подумал я.

Мы расстались. Весь вечер странный разговор не выходил у меня из головы. Я никак не мог понять природу столь неожиданного предложения.

«Привык всё покупать, вот и захотел найти дурака для своей дочурки... Небось, страшна, как старость... – думал я, влюблённо созерцая очередные теленовости. – Не то, что моя Алсу...»

На следующий день я передал материал на подпись к шефу. Тот внимательно прочёл, пару раз что-то поправив.

– Ну что же... Недурно получилось, – произнёс он. – И анализ есть, и фактура любопытная... И насчёт частной торговли – смело... Да и написано не скучно... Повышенный гонорар обещаю!

Не скрою, слышать такое от старого газетного волка было приятно, да и лишние деньги были очень кстати.

– Признайся честно, – доверительно поинтересовался шеф, – небось, сам половину за него написал... Знаю я этих торгашей – двух слов, кроме «усушки-утруски», связать не могут.

– Да нет, – возразил я. – Махмуд Махмудович – мужик интересный...

– Ну, насчёт него не знаю, а вот дочка у него действительно интересная... Диктором на телевидении работает... Ну, которая новости ведёт ...

Говорят, что любому человеку, даже самому никчемному, судьба даёт шанс. Другое дело, сможет ли он воспользоваться счастливым билетом...

МОЙ ТУКАЙ

Моё первое соприкосновение с именем Тукая произошло, когда я ещё не родился. Мой отец Исмагил Халилуллов, тогда ещё молодой, но уже талантливый живописец задумал написать картину. Сюжет её был прост. К смертельно больному поэту пришли крестьяне-земляки. Они сидят в полутёмной комнате гостиницы «Булгар» (которую потом благодарные потомки благополучно снесли) вокруг лежащего в постели Тукая и о чём-то с ним разговаривают. Для фигуры поэта позировала беременная мною мама. Вот так я, ещё не появившись на свет, оказался втянутым в тукаевскую орбиту.

Позже, когда я подросток, имя и образ Тукая обрушились на меня, как и на любого казанца, словно майский ливень. Улица Тукаевская, площадь Тукая, кинотеатр его имени, дом Шамиля, где ему посмертно улучшили жилищные условия, гостиница «Булгар», в которой он ютился... Памятники и книги, картины и спектакли, песни и стихи в честь народного любимца. Наконец, Тукаевская премия, о которой мечтает каждая заметная в искусстве персона. Казань дышала Тукаем...

Моя бабушка Васфижамал Фазыловна Хужахметова, в девичестве Акчурина, как-то обмолвилась, что в молодости была знакома с Тукаем. Я ей не поверил. Настолько это было невероятно: бронзовый классик и моя старенькая бабушка. Но оказалось, что она его помнит по Уральску. Маленький, щуплый, плохо одетый вчерашний шакирд с бельмом на глазу, да ещё избегавший девушек... Тукай тогда не произвёл особого впечатления на девушку из небедной семьи.

– Были молодые люди и поинтереснее, – призналась бабушка. Например, кумир местной молодежи Камиль Мутыгий, которого, по её мнению, так до конца и не оценили.

Перед смертью она записала арабской вязью в синюю ученическую тетрадку свои воспоминания о Тукае. В стихах. К сожалению, они пропали при очередном переезде...

В конце восьмидесятых по журналистским делам я оказался в тогда ещё Ленинграде. Разыскал телефон Льва Николаевича Гумилёва и, набравшись смелости, позвонил ему. Наградой за смелость был незабываемый вечер в знаменитой коммуналке на Московской улице. Прозвучало тогда и имя Тукая. Зашёл разговор об ахматовских переводах, которыми мы так гордимся. Ещё бы, один поэтический гений, да ещё с татарской фамилией, переводил другого! И тут Лев Николаевич неожиданно признался:

– Вообще-то, большинство тукаевских стихов перевёл я. Публиковали их за маминой фамилией, потому что ей как члену Союза писателей за переводы платили больше. А я после очередной лагерной отсидки сидел без работы...

И ещё одна грань моего Тукая. Для меня, чайниста, он свой – коллега по юмористическому цеху. Тукай так же, как и я, работал в юмористических журналах. Писал фельетоны, придумывал подписи к рисункам, редактировал присланные самотёком материалы, спорил, был остёр на язык, любил и ценил шутку. Кто знает, проживи он ещё с десятков лет, его имя вполне могло бы появиться и в «Чаяне»?

САЛАВАТ ЮЗЕЕВ

Салават Илдарович Юзеев. Писатель, кинорежиссер, драматург. Член Союза писателей и Союза кинематографистов Республики Татарстан. Родился в 1960 г. в Казани. В 1982 г. закончил факультет ВМК Казанского государственного университета. Лауреат литературной премии им. Державина. Пьесы Юзеева становились лауреатами российских и международных конкурсов драматургии и ставятся на сценах татарских театров.

ФАРИДА

– Впадать в бешенство лучше всего по утрам. Или хотя бы в первой половине дня. Поскольку если впадёшь в бешенство ближе к ночи, то не сможешь уснуть, а если даже и уснёшь, то твоё бешенство всё равно будет продолжаться, оно распугает твои сны и твоих ангелов хранителей, которые прилетают тебя навестить. А ещё тот свет, а нельзя пугать тот свет.

Фарида говорила, уверенно крутя руль. Она говорила, словно по инерции, так же, как и вела машину – отвлечённо, сосредоточившись на своём. Её руки знали дорогу, бегущую навстречу, а её язык – знал свою дорогу, и две эти дороги никак не совпадали, они уходили в разные стороны, чтобы никогда не сойтись.

– Куда лезешь, козёл! – обругала она водителя джипа, который, разворачиваясь, загородил проезжую часть.

– Тихо, Фаридуля, не заводись, – начала успокаивать её менеджер Стёпочкина, сидевшая рядом. – Ты впадаешь в бешенство, а ведь сама сказала, что в бешенство по вечерам впадать нельзя.

– Конечно, нельзя, – Фарида продолжала свои рассуждения. – Ты должна разделить своё бешенство с коллегами по работе. Нельзя оставлять его только себе.

Уже сгустились сумерки. Вдоль дороги зажглись вечерние огни.

– Лучше здесь поверни на Большую Красную. Там впереди пробка. Иначе застрянем на час, – сказала Стёпочкина. Она всегда видела дальше, чем другие. – Всё дело в том, Фаридуля, что ты одинока. А одинокие женщины – самые неуравновешенные. Они желают реализовать своё бешенство непременно на работе, чтобы не остаться потом с ним наедине. Но ты слишком интеллигентная для этого. И потому мучаешься. Тебе нужен кто-то, кто смог бы разделить с тобой твою женскую суть.

– Опять всё упирается в одно и то же, – вздохнула Фарида. – Непременно нужен мужик.

– А куда ты от этого денешься, дорогая? Посмотри. Даже у нас в фирме есть стоящие мужики. Например, начальник моего отдела Бадреев. Как он тебе?

– Он смотрится ничего, но если мужик в таком возрасте не женат, ищи здесь какого-нибудь подвоха.

– Дорогая, зачем так усложнять ситуацию?

- Или голубой, или алкоголик, или с приветом.
- Совершенно нормальный мужик, я тебя уверяю. И на вид ничего. А посмотри на его служебное положение! Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Останови вот здесь, возле арки. Вот мой дом.
- Познакомь. Хотя нет, как-то неудобно. Завтра я могу забрать тебя здесь же по пути на работу.
- Забери, пожалуйста, Фаридуля. Мою машину починят только в среду.
- Полвосьмого, хорошо?
- Хорошо. Я тебя точно с ним познакомлю. Пока.
- Пока.

Фарида зашла в магазин купить чего-нибудь к ужину. Столько мужиков толпится у стеллажей с продуктами, возле касс, и ни один из них не твой. Вон тот, что выбирает коньяк, очень даже неплох. А впрочем, чего о них думать? Барахло в штанах. Потные, вонючие существа, отребье, мящее себя Бог весть кем. Стоп. Я опять завожусь. Не надо взвинчиваться, иначе опять буду плохо спать. Она купила мясной фарш в вакуумной упаковке. Пожарю котлетки.

Какая-то женщина рядом брала сосиски. «Это неосознанный выбор, – подумала про неё Фарида, – вечное стремление заполучить фаллос. Я бы открыла здесь целый отдел по продаже сосисок, колбасок и прочего в том же роде. Там должна играть завораживающая, эротическая музыка. Обаятельный, с усиками, продавец будет преподносить тебе сосиску, трепетно держа её на весу чуткими, чуть подрагивающими пальцами. Да здесь от баб отбою не будет! Объём продаж вырастет, как минимум, раза в два».

Её воображение тут же выдало ей построенный в Excel график увеличения объёма продаж. «Боже мой, что за бред. Вот что значит бизнес-вумэн. Свихнулась на показателях прироста».

Она отправилась домой, стараясь не чертыхаться и не заводиться. Не надо растить в себе бешенство. Оно растёт из семени, которое на самом дне души. И вырастает до самого её верха, не оставив ничему другому места. Не надо лить воду на это семя. Ту самую воду, которая растит бешенство, как дерево.

В тот вечер ему позвонил начальник отдела продаж Бадреев и предложил встретиться. Надо кое-что обсудить. «Интересно, что ему со мной обсуждать? Новый рынок сбыта? А, быть может, он хочет предложить мне должность у себя в отделе? Это было бы неплохо. Очень даже неплохо. У них там такие зарплаты. А если ещё прибавить проценты от сделок, то это и вовсе приличная, надо сказать, жизнь», – так он рассуждал сразу же после звонка Бадреева. Сердце подсказывало ему, что впереди надо ждать чего-то нового и неожиданного. «Конечно, я не знаю, какие у них в отделе продаж зарплаты. Но – достаток сотрудников всегда определяется по автомобилям, на которых они ездят. А у них у всех

классные автомобили. Взять хотя бы менеджера Стёпочкину. У неё просто отпадный шевроле. Хотя, говорят, он у неё на ремонте. Но это ничего не значит, наверняка кто-нибудь на светофоре въехал ей в задницу. Прости меня, Стёпочкина, – он улыбнулся, – я имел в виду не твою задницу, а задницу твоего автомобиля. Хотя у Стёпочкиной это место тоже, надо сказать, ничего, гладкое, компактное, не хуже, чем у её шевроле, рука прямо так и тянется погладить». «Тьфу, чёрт, опять меня понесло не в ту сторону, – осадил себя он, – не об этом надо сейчас рассуждать. Сколько, интересно, Бадреев мне предложит. Разумеется, я сразу не соглашусь. Скажу – мне надо подумать. Хотя чего тут думать, ясно, что он в любом случае даст мне больше, чем я получаю сейчас».

«К этому надо прибавить ещё заграничные командировки, – думал он, уже в своём автомобиле, мчась мимо освещённых магазинных витрин. – Филиалы в Буэнос-Айресе, Рейкьявике и Сингапуре, это звучит очень убедительно».

Воображение тотчас нарисовало ему уносящийся ввысь Боинг, косой луч света в иллюминаторе, океан, угадываемый там, внизу, величаво дышащий в десяти тысячах километрах от твоей души, мчащейся в небесах. Мадам, не надо мне эконом класс, вы что, надо мной издеваетесь, дайте мне, пожалуйста, бизнес класс, имею я право лететь как человек, в конце концов. Девушка, принесите мне двойной виски с содовой и, прошу вас, не кладите лёд в бокал, я вам не какой-нибудь там америкашка, это они пьют со льдом. Эй, мальчик, поосторожней с моим чемоданом, там сувениры из кораллов, которые я купил на побережье.

Картины в его сознании сменялись одна за другой, далёкие материки неслись навстречу, мерцая светящимися, расплывающимися пятнами.

«Стоп. А почему я уверен, что он предложит мне у себя работу. Быть может, у него ко мне какое-нибудь личное дело? Вряд ли. Все знают, что ему нужен сейчас новый сотрудник в отдел. А у меня хорошая репутация. Про меня говорят, что я парень с мозгами. И это соответствует истине. Сколько можно сидеть у себя в отделе за гроши с этими бабами, которые болтают о чём угодно, только не о деле. Наверняка Бадреев давно уже меня заметил. Он начальник толковый и в людях разбирается».

Бадреев назначил ему встречу в ресторане «Овация», что вблизи их офиса, и это ещё раз подтверждает, что разговор будет идти о будущей работе. Странно, но он никогда ещё не бывал в «Овации», хотя облазил все подобные заведения, что поблизости.

Он проехал мимо дверей офиса, свернул в боковую улицу и, проехав с полсотни метров, остановился возле высотного здания со светящейся над входом неоновой вывеской «Овация». Уже совсем стемнело, и вечерние городские шумы смешались в одной нескончаемой овации, предшествующей новому развитию событий.

И вдруг, уже входя в двери, он явственно ощутил – что-то здесь не то. Он пока ещё не мог объяснить себе, в чём тут дело, но какой-то краешек сознания предчувствовал некую неправильность происходящей ситуации.

Ресторан оказался почему-то на самом последнем этаже. В этом не было ничего противоестественного, но здесь было уже нечто, чего он не ожидал, и потому его настороженность начала расти всё больше.

Но, войдя в лифт, он успокоился. Возносясь на самый последний этаж, его душа вновь вспомнила о Боинге, улетающем в заокеанскую даль, о брезжащих в туманной дымке материках, об иссиня-чёрных метрдотелях в пятизвёздочных отелях. «Ничего. Всё идёт, как надо. Я должен собраться и держаться молодцом. Нельзя показать ему, что я волнуюсь. Ясно, что ему не нужны молокососы».

На входе стоял пожилой швейцар, в фирменной одежде и фуражке.

– Пожалуйста, проходите, вас ждут, – в его словах проскользнула некоторая недосказанность, словно он о тебе что-то знал.

В зале ресторана плавал лёгкий полумрак, за столами таинственно мерцали свечи. «Обстановка, можно сказать, интимная и не располагает к деловой беседе», – подумал он. Ненавязчивая, но завораживающая музыка, кажется, это Эрик Клэптон со своими гитарными импровизациями. Дым дорогих сигарет, воспаряющий и тотчас уносящийся в невидимые вытяжки, запах изысканных угощений, сквозь который прорывается тонкий аромат духов – это женщина за ближайшим столиком встряхнула роскошными волосами, изящно обернувшись к своему собеседнику, промельки официантов, одетых во всё белое, легких и проворных на пути к дорогому клиенту.

Где же начальник отдела продаж Бадреев? Может быть, он разыграл его и не пришёл, а сам сидит дома и посмеивается? Кто знает, какие козни зреют у людей в головах, кое-кому нет большей радости, чем поиздеваться над ближним. Где он, этот чёртов мудака? Я стою, приковывая взгляды, выставленный на всеобщее обозрение. Может быть, развернуться и уйти, пока не поздно? В этой ситуации есть нечто неправильное и неестественное.

И тут он увидел Бадреева. Тот сидел за столиком в противоположном конце зала и что-то говорил склонённому в почтительной позе официанту. Официант записал заказ в блокнот и тотчас исчез.

– А вот, наконец-то, и вы, – Бадреев встал из-за стола и предложил ему стул. В голосе начальника отдела продаж слышалась почтительность и уважение. Всё вставало на свои места. Шаткий мир обретал опору. Всё происходит, как должно произойти. Теперь надо ждать, какое предложение последует от Бадреева.

– Надеюсь вы меня простите, – сказал Бадреев, – я осмелился сделать заказ для нас двоих. Но – доверьтесь моему вкусу. К тому же здесь прекрасно готовят. Вы в этом убедитесь, уверяю вас.

В облике Бадреева была некая скованность, стыдливое заискивание, словно перед ним был барьер, через который надо перешагнуть. Интересно, почему он со мной так держится? Ведь я, в конце концов, гораздо ниже него по служебному положению? Неужто я ему так нужен?

И вдруг начальник отдела продаж сделал жест, который всё поставил на своё место. Он протянул руку куда-то под стол и вытащил оттуда букет цветов:

– Это вам.

Букет был роскошен до неприличия. Над столом возникла долгая, тяжёлая пауза, в которой витал, плавал, щекоча ноздри, одуряющий запах свежих цветов.

– Вы в своём уме? – он пристально смотрел на Бадреева.

Тот пристыжённо молчал.

– Вы что себе позволяете?

Бадреев густо покраснел.

Чёрт возьми! За кого он меня принимает! Мерзкий педераст! Мир рушился на глазах. Он рушился на мелкие осколки, вертясь, превращаясь в тёмную воронку, в которой исчезали Буэнос-Айрес, дальние страны с пятизвёздочными отелями, стройные мулатки и коралловые рифы. Ведь это же надо – клюнуть на уловку этого козла!

Что делать? Надо встать и дать ему букетом по морде, именно этого он и заслуживает. Стоп. Кругом люди. Мы и так с ним выгладим, словно ссорящаяся любовная пара. Однако, как ни удивительно, в нашу сторону никто не смотрит. Нас вовсе не замечают, словно всё, что здесь происходит – обычное явление.

И вдруг к нему пришло некое странное ощущение. И это ощущение было связано с его телом. А точнее – с коленями. Он вдруг понял, что его колени – голые. Он опустил взор и с ужасом увидел, что сидит в юбке. Озноб продрал его с ног до головы. Он вскочил и почему-то побежал к выходу, и пока бежал, отчётливо слышал стук своих высоких каблучков.

И, подбежав к зеркалу, он увидел, что он – женщина.

И это было ужасной, открывшейся вдруг истиной. Можно было не щупать эти груди, чтобы удостовериться, что они настоящие, и не приподнимать юбку.

«Чёрт знает что! – сказал он и вернулся к столу. Бадреева уже не было. Куда он делся? Может, пошёл покурить? Тогда почему не попался мне по пути?

– Ваши сосиски, мадам, – сказал подоспевший официант и поставил тарелку на стол.

Он вновь огляделся, ища Бадреева. Где он ходит? Заказ уже принесли, надо есть, пока не остыло.

В это время официант взял из тарелки сосиску и начал медленно преподносить ему ко рту, держа её на весу трепетными, чуткими пальцами.

– Вы не забыли поперчить? – спросил он официанта.

Официант утвердительно кивал в ответ. Он кивал и расплывался, исчезал и при этом продолжал кивать, словно желая удержать это пространство, которое оказалось сном. Исчезал официант, исчезал сон, улетучиваясь, испаряясь, сходя на нет. Спасибо тебе, реальность, что ты есть. Иначе весь свой век мы так и блуждали бы в снах, переходя из одного в другой, не ведая, где начало жизни, а где её конец. Мы растворились бы в

этом обмане, стали обманом, и так и не поняли бы, сами мы себя дурачим или нам кто-то помогает. Спасибо тому, в чьих силах остановить ту самую воду, которая растит наши сны, как дерево. Спасибо тебе, окно, в котором брезжит рассвет и обещает новый день.

По пути на работу Фарида подобрала Стёпочкину возле арки, как и обещала.

– Ты представляешь! – тут же заговорила Фарида, даже забыв поздороваться с подругой. – Мне приснилось, что я мужчина!

– Ну у тебя и воображение, Фаридуля, – сказала Стёпочкина, усаживаясь. – Разным людям снятся разные сны. Дуракам снятся простые сны.

– Мало того! – Фарида торопилась рассказать о самом главном. – Я была мужчиной, который, поняв, что он женщина, ужасно сконфузился.

– Я тебе и говорю, что только в твоей голове могла свариться такая каша.

– И там был Бадреев, но он потом куда-то подевался, и я так и не поняла, голубой он или нет.

Две подруги смеялись от души, хотя в такой ранний час так не смеются.

– Там впереди пробка, – сказала Стёпочкина, она видела дальше других, – так мы опоздаем, сверни здесь направо, доедем по параллельной улице.

Город был уже полон автомобилей, управляемых невыспавшимися водителями.

– Вот здесь должен быть ресторан «Овация», куда меня пригласил Бадреев, – Фарида показала на проносящееся мимо строение.

– Сроду здесь не было такого ресторана, – ответила Стёпочкина. – Это министерство труда и зарплаты.

– И я хотела дать ему по морде цветами, представляешь! – не успокаивалась Фарида.

Они подъехали к зданию офиса и остановились на месте парковки.

– Кстати, вот и он, твой ухажёр, – в голосе Стёпочкиной слышались нотки интриги.

Начальник отдела продаж вышел из своего автомобиля и направлялся теперь в их сторону.

– Только ради Бога, Фаридуля, не смеяться, умоляю тебя, дорогая! Договорились?

Они терпели, что есть силы, но когда Бадреев поравнялся с их автомобилем, прыснули, словно по команде.

Бадреев неодобрительно посмотрел на двух молодых сотрудниц, веселящихся непонятно отчего, взбежал по лестнице и исчез в дверях. День начинался.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРА	АРЯМНОВА 4
АНТОН	БОРОВИКОВ 8
ГАЛИНА	БУЛАТОВА 10
НУРИ	БУРНАШ 12
АЛЕКСАНДР	ВОРОНИН 18
ДЕНИС	ОСОКИН 24
ФИЛИПП	ПИРАЕВ 30
РУСТЕМ	САБИРОВ 34
АЙДАР	САХИБЗАДИНОВ 38
ИГОРЬ	ТИШИН 44
ЭДУАРД	УЧАРОВ 50
АДЕЛЬ	ХАИРОВ 56
РАФАЭЛЬ	ХАЛИЛУЛЛОВ 62
САЛАВАТ	ЮЗЕЕВ 66

Литературно-художественное издание
Калитка. Вып. 2 / 2017

Подписано в печать 12.12.2017
Тираж 100 экз.

Издательство Академии наук РТ.